

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839 – 1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- [Александра Анненская](#)

-
- [Введение](#)
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Источники](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
-

Александра Анненская Оноре де Бальзак. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк А. Н. Анненской
С портретом Бальзака, гравированным в Лейпциге
Геданом*

Введение

В первой половине XIX века роман очень быстро завоевал себе одно из самых почетных мест в литературе Франции. Представители господствовавшей в то время романтической школы видели в нем удобную форму для воплощения в художественных образах своих идеалов, своих взглядов на искусство, на жизнь, на чувство. Виктор Гюго наряду с поэмами и драмами писал «Собор Парижской Богоматери» и «Ган-исландец», Жорж Санд обратила на себя общее внимание своими «Валентиной», «Индианой», «Лелией» и целой серией талантливых романов, Бейль (Стендаль), Теофиль Готье, Сент-Бёв, Жюль Жанен и менее видные представители романтизма привлекали массу читателей своими беллетристическими произведениями.

Рядом с этими «идейными» романами возникает роман-фельетон, «сенсационный» роман, рассчитанный на внешний интерес, привлекающий читателя запутанностью фабулы, неожиданностью развязки. «Монте-Кристо» и «Три мушкетера» Дюма приводят в восторг не особенно требовательную публику. Сулье, П. Феваль и другие наводняют книжный рынок самыми невероятными историями.

Рядом с романами тенденциозными и «сенсационными» появились первые зачатки романа натуралистического, – романа, ставившего себе задачей не поучать читателя, не рисовать ему идеалы, а просто изображать действительность. Отцом натуралистического романа считается по праву Бальзак, хотя он и не вполне отрешился в своих произведениях от влияния романтической школы. Первые романы его, подписанные большей частью псевдонимами, являются неудачными подражаниями Вальтеру Скотту, фабула «Шагреновой кожи» напоминает своей фантастичностью Гофмана, «Серафима» проникнута романическим мистицизмом. Богатая фантазия автора не редко отвлекала его от трезвого наблюдения реальной жизни и уносила то в мир грез, то в туманы им самим придуманной философии и психологии.

Трудно найти писателя более разнообразного в своей литературной деятельности, чем Бальзак. Кроме романов, он писал драмы, комедии, критические статьи, фельетонные заметки, политические памфлеты, ученые и философские трактаты. Но из всех этих родов литературы один только роман создал ему славу. Как драматург он слаб и вял; как критик он часто увлекается личными симпатиями и антипатиями; как политик он

защищает легитимистскую монархию и сильную власть церкви; он ставит произвол выше закона, так как «закон – это паутина, через которую свободно проходят большие мухи и в которой остаются только маленькие»; как философ он туманен, не придерживается никакой определенной системы, является то мистиком и спиритом, то грубым материалистом. Все философские и научные обобщения, которыми испещрены его романы, – это по большей части произвольные и скороспелые выводы из недостаточно наблюдаемых фактов. Сам себя он считал глубоким мыслителем, но это заблуждение: его сила заключалась не в выводе, не в обобщении, а в изображении отдельных фактов, мелких подробностей, из которых сама собою слагалась полная картина. Подходя к какому бы то ни было жизненному явлению, он не преклонялся перед его красотой, не отворачивался от его безобразия, как романтики, а присматривался к нему спокойно, объективно, без восторга и без отвращения, стараясь угадать причины, породившие его, среду, обусловившую его существование. Чисты или грязны, изящны или безобразны описываемые им предметы, для него безразлично; жаба интересует его столько же, сколько бабочка, коршуном он занимается охотнее, чем голубкой. «Я не сочиняю человеческую природу, я ее наблюдаю в ее прошлом и настоящем. Я изображаю людей не такими, какими они должны быть, а такими, какими они на самом деле бывают», – говорил сам про себя Бальзак. Такое наблюдение и такое воспроизведение наблюдаемого требовало бы кропотливой работы ученого, который медленно исследует факт за фактом, прежде чем решится на обобщение или объяснение их. Но воображение и творческая сила настолько преобладали в натуре Бальзака, что не допускали такой кропотливости. Он, несомненно, рисовал действительность, но так, как эта действительность отражалась в его собственном мозгу. Очень небольшого количества наблюдаемых фактов было для него достаточно, чтобы воссоздать целое явление. «Самая маленькая подробность давала ему возможность восстановить целый организм, целый класс общества», – говорит про него П. Бурже; в этом он похож на Кювье, который по одной кости, по одному зубу мог воспроизвести целый погибший вид животного. Он сознавал в себе эту способность и называл ее *pénétration retrospective*^[1].

«У меня, – говорит он сам, – с детства наблюдение стало интуицией: оно давало мне возможность жить жизнью того человека, которым я был занят, позволяло мне вполне становиться на его место, как тому дервишу из „Тысячи и одной ночи“, который принимал душу и тело человека, подвергавшегося его заклятию».

Как Золя в своих романах дает нам яркую картину французского

общества, созданного Второй империей, так в произведениях Бальзака мы видим отражение буржуазной монархии Луи-Филиппа. Торжество капиталистической промышленности, стремление к быстрой наживе, беззащитная спекуляция и скептически-индифферентное отношение ко всему, что не касается материальной выгоды, – вот основные черты времени и вот основная тема романов Бальзака. Деньги – главный рычаг жизни большинства выводимых им действующих лиц. Он представляет нам молодых людей, стремящихся в Париж, чтобы разбогатеть, и не брезгующих для этой цели никакими средствами; почтенных отцов семейства, пускающихся в самые двусмысленные предприятия; скряг, дрожащих над накопленным золотом; добродетельных женщин, готовых отдаться развратникам, чтобы устроить денежные дела семьи; невинных девушек, мечтающих о шелках и брильянтах, в которые их оденут избранники их сердца. В его романах перед нашими глазами проходит длинная вереница банкиров, спекулянтов, ростовщиков, маклеров, поверенных, продавцов, торгующих всем, не исключая своей и чужой чести; он беспрестанно говорит о разных финансовых и коммерческих предприятиях, о промышленных изобретениях и биржевых спекуляциях, о подложных векселях и мошеннических сделках. Он, по остроумному замечанию Тэна, «ввел торговые дела в область поэзии». Его герои ведут отчаянную борьбу за наследство или за приданое, банкротятся, разоряются, обогащаются, причем автор подробно описывает, каким путем шло это обогащение, и с интересом следит за ростом миллионов в руках какого-нибудь Гранде или Гобсека.

Мир наживы есть в то же время мир черстоного эгоизма. В нем нечего искать самоотвержения, стремления к идеалу, бескорыстного служения истине или человечеству. И герои Бальзака не знают ничего подобного: они любят – но это по большей части чисто физическая любовь, стремящаяся к обладанию любимым предметом; они занимаются поэзией, наукой, литературой, но лишь настолько, насколько это нужно для приобретения денег или положения в обществе; они жертвуют собой ради семьи, но опять-таки главным образом ради материального обеспечения семьи.

Бальзака упрекали в безнравственности за то, что в его романах изображена темная сторона, изнанка и даже грязная изнанка человеческой жизни, – за то, что он вводит читателя в те труппы, где гнездятся подонки общества, что он спокойно, без криков негодования и гримас отвращения рисует и наглый порок, и низкое лицемерие, и животную страсть. Такое обвинение, конечно, несправедливо: раз писатель поставил себе задачей изображать жизнь не такую, какую она должна быть, а такую, как она есть

на самом деле, нельзя обвинять его за преобладание в его описаниях зла над добром, за всю ту массу грязи, подлости и грубости, которая будет заполнять эти описания. Нельзя винить зеркало, если отражающееся в нем лицо безобразно. Художник имеет полное право рисовать дурные и низкие стороны человеческой природы, смелой рукой срывать покровы со всех нравственных язв общественного организма. Он виноват только в том случае, если слишком сгущает краски в некоторых частях своей картины и тем лишает ее правильной перспективы. Бальзак не вполне чист от этого греха: его пошляки слишком легко доходят до последних пределов негодяйства, его злодеи часто являются настоящими чудовищами; он сам признается, что склонен «идеализировать» зло и порок. Такая «идеализация» есть несомненно грех против художественной правды, но не против нравственности. Если можно за что-нибудь упрекнуть Бальзака, так это за то, что он принимает слишком близко к сердцу все перипетии в материальном положении своих героев и как талантливый писатель передает свой интерес читателю, заставляет и его сочувствовать судьбе разных рыцарей легкой наживы, приучает смотреть на приобретение богатства как на главную задачу жизни и снисходительно относиться к тем средствам, какие употребляются для этого приобретения. В обществе, где все сводится к борьбе за существование, успех все оправдывает, все обеляет, сила встречает общее уважение. И Бальзак не чужд обаяния этой силы. Представляя нам злодея, тонко рассчитывающего каждый удар, ростовщика, ловко раскидывающего свои сети, честолюбца, ни перед чем не останавливающегося для достижения своих замыслов, он наделяет каждого из них почти сверхъестественной силой характера, пронизательностью, выносливостью; он ставит его до некоторой степени на пьедестал среди окружающей слабой, безвольной мелкоты; он аплодирует успеху своих героев, и читатель вместе с ним забывает, какой ценой куплен этот успех.

Поль Бурже в своих критических очерках разделяет всех романистов на две категории: на романистов, изображающих *характеры*, и на романистов, дающих картины *нравов*. Он находит, что каждая из этих категорий обладает своеобразною способностью наблюдения и рассматривает все жизненные явления с совершенно противоположной точки зрения. «Характер, – говорит он, – есть сумма тех свойств, которыми человек отличается от других людей; нравы – это сумма тех свойств, которыми он походит на других. Изображать характеры – значит, рисовать выдающиеся личности, изображать нравы – значит, рисовать людей средних». – «Может быть, – прибавляет он в заключение своего

рассуждения, – высшее искусство состоит в том, чтобы уподобляться плодovitой природе, которая производит в одно и то же время группы людей, сходных между собою, и исключительных гениев». С этой точки зрения можно сказать, что Бальзак достиг высшей степени искусства, так как романы его представляют нам, с одной стороны, картины нравов самых разнообразных общественных групп, с другой – резко очерченные типы людей выдающихся, поглощенных какой-либо одной страстью, одним чувством.

Он вводит нас в аристократические салоны и знакомит с выродившимися представителями древних родов; точно так же – в кабинет министра и показывает, какие делишки обдeldываются под покровом административных мероприятий; в конторы всевозможных дельцов, начиная со всесильного банкира до низкопоклонствующего ростовщика; в редакцию влиятельного журнала и маленькой газетки, торгующих печатным словом и развращающих как сотрудников, так и читателей; наконец – в izбу крестьянина тупого, жадного, корыстолюбивого, не возвышающегося над чисто животными инстинктами. Он изображает нам жизнь Парижа – беспокойную, суетливую, неустойчивую, открывающую широкое поле для всевозможных честолюбий, и жизнь провинции – скучную, однообразную, с мелочными интересами, сплетнями, интригами, закоренелыми предрассудками и узкими взглядами. И всюду, во всех этих разнообразных сферах двигаются, чувствуют и страдают массы фигур мелких, плоских, малозаметных единиц, сумма которых составляет известный класс общества, известное сословие. А на их фоне выступают более яркие личности, «характеры», отличающиеся от толпы более сильным умом, а главное, более сильными аппетитами, более страстной натурой. Бальзак дал нам целую галерею таких личностей. Стоит вспомнить его Гранде – скрягу, все душевные силы которого сосредоточены на одном – на любви к деньгам, который говорит дочери: «Девушка может отдать мужчине все, кроме своего золота», и который, даже умирая, силится стащить золотой крест из рук благословляющего его священника; Гюло, жертву другой страсти – женолюбия, ради которой он проматывает имение, теряет честь, уважение друзей и собственных детей, убивает верную, преданную жену и 70-летним, дряхлым стариком женится на своей глупой, толстой служанке; Филиппа Брида, грубого циника, не останавливающегося ни перед чем для достижения своих целей; Горио – этого фанатика отцовской любви; Класса, мономана-ученого; Миноре, добродетельного врача; и наконец – Вотрена, появляющегося в нескольких романах Бальзака. Это беглый каторжник, отрицающий всякую условную

мораль, всякую установленную нравственность, спокойно совершающий преступления и в то же время обладающий удивительно пронизательным умом, обаятельно действующий на окружающих и способный к самой беззаветной привязанности, – фигура, не укладывающаяся в рамки реального романа, выходец из мира романтиков. Заслуга Бальзака при описании всех этих личностей состоит в том, что он почти всегда дает нам ключ к пониманию их; он заставляет нас присутствовать при зарождении и развитии их страсти или их зверского инстинкта; мы вместе с ним наблюдаем за постепенным извращением человеческой души под влиянием одного всепоглощающего чувства.

Бальзак считается знатоком женского сердца, поклонником женщины. Действительно, романы его дают нам длинный ряд женских портретов, начиная с невинной девушки, впервые открывающей свое сердце чистой любви, и до продажной развратницы, не знающей ни совести, ни стыда. Главное содержание жизни всех его женщин – это любовь, любовь почти всегда несчастная. Девушка отдает все свое сердце красивому юноше, он оказывается негодяем и обманывает ее; она выходит замуж, она верная, преданная жена, муж или мучит ее своим грубым деспотизмом, или изменяет ей с первой встречной кокеткой. Под влиянием непреодолимой потребности любить она отдается любовнику, окружавшему ее страстным поклонением: он или легкомысленно играет ее чувством или, воспользовавшись ею для своих эгоистических целей, бросает ее; она мужественно борется против своего чувства, она до конца жизни сохраняет верность мужу и семье и умирает в страшных мучениях, сознавая, что не умела жить, что приносила бесполезные жертвы. И всегда, во всех несчастиях женщины виноват мужчина: он груб, деспотичен или легкомыслен, он не понимает тонкой женской организации, он не может допустить умственного или нравственного превосходства женщины над собою. Если женщина изменяет мужу – вина его, не сумевшего дать ей счастья, или общественных условий, допускающих брак невинной девушки с нелюбимым человеком. Если она меняет любовников – это опять-таки их вина: они так пошлы, что не могут надолго привязать к себе женщину. Если она забывает свою первую, возвышенную любовь и отдается второй и третьей – это физиологическая потребность «богато одаренной» природы. В прошлом каждой кокетки («куртизанки», как их называл Бальзак) есть мужчина, толкнувший ее на гибель, причина ее первого падения. Бальзак редко занимается молодыми девушками; они в его романах выходят бледными, пассивными; его героиня – женщина лет 30-40, пережившая первые увлечения и первые разочарования. Он с особенной яркостью

описывает чувства и страдания женщины именно в тот период ее жизни, когда на лице ее появляются первые признаки отлетающей молодости, когда она с жадностью стремится воспользоваться последними оставшимися ей годами *женской* жизни. Бальзак – снисходительный судья всех женских слабостей и увлечений, но уважения к женщине у него очень мало. Стоит прочесть его «Физиологию брака», чтобы увидеть, какое место в природе он отводит женщине, какие искусственные меры он предписывает для сохранения ее чистоты. Нравственные устои, твердые принципы, высшие стремления чужды его женщинам почти настолько же, насколько и его мужчинам. В его женской галерее больше добродетельных типов, чем в мужской, но и в той, и в другой типы эти плохо удаются ему, выходят или слишком бледными и пассивными, или ходульными. В его добродетельных женщинах гораздо меньше жизни и выразительности, чем в его порочных г-жах Камизо, Марнеф де Рошфид и пр., и пр.

Романы Бальзака приобретают особенный смысл вследствие того, что он соединил их в одно целое, связал между собою. Во всех них действуют одни и те же лица, каждый из них представляет часть общей картины, один акт огромной «Человеческой комедии». Благодаря этому читатель имеет возможность полного знакомства с его героями, узнает их происхождение, их родину, обстоятельства, определившие склад их характера. Сам Бальзак придавал громадное значение этому объединению своих произведений. В предисловии к своей «Комедии» он объясняет общий план, положенный им в основу его романов.

«Идея написать „Человеческую комедию“, – говорит он, – пришла мне в голову, когда я сравнил человечество с миром животных. Животные, по мнению Жоффруа Сент-Илера, созданы по однообразному типу и развиваются различно в зависимости от той среды, в какую попадают. Вся разница родов и видов зависит от условий этой среды. Я вполне разделяю эту мысль, и еще раньше спора между Жоффруа С.-Илером и Кювье я открыл, что человеческое общество подчиняется тому же закону. То, что верно для мира материального, одинаково верно и для мира социального; в нравственном отношении люди изменяются вследствие причин, аналогичных с теми, которые вызывают физические изменения, и образуют резко различающиеся между собою общественные разновидности, создаваемые воспитанием, семьей и данным направлением. Кошка, волк и лев не более различны между собой, чем ремесленник, дворянин, священник. Бюффон пытался представить в одной книге все животное царство; разве нельзя сделать того же для человеческого общества? Но природа положила между видами животных грани, в которых не могут

удержаться виды социальные. Во-первых, в обществе рядом с мужчиной стоит женщина, и потому социальных видов получается вдвое больше, чем животных. Наконец, среди животных нет тех скрещиваний и смещений, которые существуют среди людей. Жизнь животных проста, у них нет ни домашней обстановки, ни искусств, ни наук, между тем как человек выражает свой нрав, свою мысль, свою жизнь во всем, чем пользуется для удовлетворения своих потребностей. Кроме того, обычаи, одежда, язык отдельных социальных видов меняются сообразно с требованиями времени и ходом цивилизации. Итак, мне предстоит тройная задача: изобразить, во-первых, мужчину с его интеллектом, его страстями и тенденциями; во-вторых, – женщину, которая вследствие присущих ей интересов образует особый класс; наконец, – вещи, материальное выражение мысли, жизни. Мне предстоит найти смысл разных социальных явлений, выяснить тайное значение всего этого сплетения лиц, страстей и событий. Я должен определить, в чем социальные группы отдалялись, в чем они приближались к вечному закону, к истине и красоте».

Задача грандиозная, неудобноисполнимая для одного человека, и Бальзак не мог справиться с нею, но во всяком случае его «Человеческая комедия» («Comédie Humaine») представляет единственный в своем роде памятник литературного творчества. В состав ее входят 96 романов, в ней фигурирует около 2 тысяч лиц, внутренний мир и внешняя обстановка которых описаны с замечательной подробностью. Подробность, «протоколизм» описаний составляет отличительную черту Бальзака. Он всегда держался той идеи, что внутреннее я человека кладет отпечаток на всю его внешнюю жизнь, на его дома, его мебель, его одежду, на его жесты и его язык, и что, с другой стороны, всякая мелочь внешней обстановки отражается на характере человека, является одним из факторов, служащих к созданию его психической индивидуальности. Вследствие этого он не скупится на подробности: выводя на сцену новую личность, он опишет город, улицу, дом, где она живет, ее квартиру, расположение комнат, расстановку мебели, цвет обоев и ковров, посуду, из которой она ест, одежду, которую она носит в праздник и в будни; при описании наружности он обратит внимание на все черты лица, на все особенности фигуры, походки, манеры, голоса. Он не рисует крупными, смелыми мазками кисти, он кропотливо вырисовывает каждый штрих, и, только проследив до конца эту кропотливую работу, вы видите перед собою целую, живую фигуру.

Бальзак был одним из наиболее плодовитых писателей. Не считая массы мелких журнальных статей, он написал 120 крупных произведений,

составляющих в общей сложности более 10 тысяч страниц. Настоящее значение его и место в литературе понято было лишь после смерти. При жизни романы его читались публикой с большим интересом, но большинство критиков относилось к нему неблагоприятно. Это объясняется отчасти личными отношениями романиста, отчасти господством в литературе романтической школы; реализм Бальзака многих отталкивал, многие упрекали его в цинизме, в безнравственности. Впрочем, глава романтической школы В. Гюго сумел отдать справедливость своему собрату по перу, несмотря на разность их направлений; вот что он говорил на могиле Бальзака:

«Сам того не сознавая и, может быть, даже не желая, автор этого колоссального и странного произведения („Comédie Humaine“) принадлежит к могучей расе революционеров. Бальзак идет прямо к цели. Он вступает в бой со всем современным обществом; он у всякого отнимает что-нибудь, уничтожает иллюзию одних, губит надежду других, у одного вырывает крик, с другого срывает маску, он перерывает порок, он анатомирует страсть, он рассекает и исследует человека, его душу, сердце, внутренности, мозг, всю ту бездну, которую каждый носит в себе. И по праву свободной личности, по праву умов нашего времени, Бальзак с ясной улыбкой покидает эти страшные исследования, которые доводили Мольера до меланхолии, Руссо до мизантропии».

На смену романтизму явилось другое направление, натуралистическое, явился «протокольный» роман, и представители этого нового направления отдают дань Бальзаку как своему родоначальнику. Характеризуя его «Комедию», Золя говорит:

«Мы видим перед собой как бы вавилонский столп, которого архитектор не успел да и не мог успеть достроить. Много стен обрушилось в нем и покрыло обломками землю. Строитель употреблял всевозможные материалы, какие только попадались ему под руку: известь, цемент, камень, мрамор, даже песок – и даже грязь. И своими мощными руками он воздвиг здание, гигантскую башню из материалов, взятых на скорую руку и без разбора, и при этом не особенно заботился о гармонии линий, о правильных размерах здания. Как будто видишь собственными глазами, как он обтесывает молотом громадные глыбы, ставя ни во что грацию и изящество линий. Этажи высятся над этажами без толку и системы – самого разнообразного стиля. Что это: вертеп или храм? Не знаешь, как и сказать. Это – целый мир, мир человеческого творчества, мир дивный, созданный поразительным строителем, в котором скрывался художник. Работник выстроил свою башню с таким инстинктом грандиозного и

вечного, что остов здания останется, по-видимому, навеки неприкосновенным; пускай стены обваливаются, пускай падают потолки, пускай рушатся лестницы, – каменный фундамент устоит перед действием времени, и большая башня всегда будет выситься на подножии своих гигантских колонн. Мало-помалу песок и глина в ней обсыпятся, и тогда мраморный скелет здания будет красоваться на горизонте как громадный и растрепанный профиль целого города. И даже в отдаленном будущем, если какой-нибудь страшный ураган сотрет с лица земли наш язык и нашу цивилизацию и опрокинет остов здания, то обломки великой башни образуют на земле такую гору, что ни один народ не пройдет мимо нее, не заметив: „Тут покоятся развалины целого мира“.»

Глава I

Рождение. – Семья. – Первое воспитание. – Учение. – Страсть к чтению. – Выбор карьеры. – Жизнь в мансарде и мечты о славе.

Оноре Бальзак родился в Туре 16 мая 1799 года. Отец его был во времена Людовика XVI адвокатом и по своей профессии имел частные сношения как с разными высокопоставленными лицами монархии, так и с некоторыми передовыми деятелями революции. Ему удалось в 1793 году спасти нескольких аристократов, своих прежних покровителей; в то время это было небезопасно, и он ускользнул от подозрительности Робеспьера только благодаря расположению одного члена Конвента, который выхлопотал ему место провиантмейстера Северной армии. Он женился 50 лет на молодой, богатой девушке и, выйдя в отставку, поселился в Туре, где много лет заведовал богоугодными заведениями и слыл за чудака, у которого на все – своеобразные, оригинальные взгляды. У него было два любимых конька: во-первых, необходимость усовершенствования рода человеческого посредством естественного подбора и уничтожения всех уродов, во-вторых, сохранение собственного здоровья. Он решил, что должен прожить до 100 лет и для этой цели всячески старался поддерживать, – как он говорил, – «равновесие жизненных сил», строго исполнял гигиенические правила собственного изобретения и беспрестанно пичкал себя разными лекарствами тоже по собственному усмотрению. До женитьбы он поместил большую часть своих денег в тонтинную кассу и постоянно мечтал, что переживет всех своих совкладчиков и обеспечит детей громадным капиталом тонтинны^[2]. При всяких денежных затруднениях в доме он повторял: «Подождите, касса нам за все заплатит!» – и домашние привыкли верить в эти будущие миллионы тонтинны.

Г-жа Бальзак отличалась живым умом, пылким воображением, твердостью характера и неутомимой деятельностью. Старший сын ее умер грудным ребенком, и она не решилась сама кормить второго. Оноре отдан был на воспитание в ближайшую к городу деревню, где он провел первые годы жизни среди простой, здоровой сельской обстановки. Г-жа Бальзак была так довольна его физическим развитием, что, когда через два года после него у нее родилась дочь, она поместила ее к той же кормилице. Оноре шел пятый год, а сестре его – третий, когда они вместе вернулись в родительский дом. Г-жа Бальзак страстно любила детей, но воспитывала их

строго и постоянно держала на некотором почтительном отдалении от себя. Бальзак до конца жизни не мог забыть, с каким трепетом подходил он в детстве пожелать матери доброго утра или покойной ночи, когда чувствовал за собой какую-нибудь вину. Отец был более матери склонен побаловать детей, но он казался им всегда слишком старым, слишком серьезным, и они дичились его. Эта отчужденность от родителей заставляла детей особенно тесно сближаться между собой. У Оноре было две сестры и младший брат, но он был особенно дружен со старшей сестрой Лаурой, вышедшей впоследствии замуж за г-на Сюрвиля и издавшей «Записки» о своем нежно любимом брате. В этих «Записках» она вспоминает, как маленький Оноре постоянно являлся ее защитником и покровителем, как он часто брал на себя ее шалости, чтобы избавить сестру от наказания. «Когда мне удавалось вовремя восстановить истину, – рассказывает она, – он говорил мне: „Не признавайся в другой раз: мне приятно, что меня бранят вместо тебя“.»

Оноре очень рано отдали в школу и, выучившись читать, он пристрастился к чтению сказок и всяких фантастических приключений. Семи лет его уже поместили полным пансионером в Вандомский коллеж, считавшийся в то время образцовым заведением. В этом коллеже детей не отпускали на каникулы, и маленький Оноре видался с родителями только два раза в год, на Пасху и в день раздачи наград, когда они приезжали к нему из Тура. Бедный мальчик нетерпеливо ожидал этих счастливых дней, мечтал о них за несколько недель, но, увы, они приносили ему больше неприятностей, чем радости: он учился плохо, не получал никаких наград, учителя жаловались на него, и родители во все время свидания бранили и упрекали его. Он провел в коллеже 7 лет и оставил его, не кончив курса, по болезни. Мальчик вдруг сильно похудел, ослабел, глядел каким-то тусклым, бессмысленным взглядом, не замечая окружающего, часто не слышал, что ему говорили, не мог сразу ответить на самые простые вопросы. Врачи приписывали эту болезнь мозговому переутомлению, но такой диагноз представлялся его воспитателям нелепостью, так как Оноре слыл у них за отъявленного лентяя.

Впоследствии он объяснил, в чем было дело: оказалось, что он нашел средство добывать книги из богатой библиотеки коллежа и зачитывался ими всякий раз, когда попадал в карцер, что случалось почти ежедневно. Книги были по преимуществу серьезного содержания, слабый ум ребенка не мог совладать с массой знаний и идей, вдруг нахлынувших на него. Г-жа Бальзак пришла в ужас при виде того, что сделало училище из ее веселого, здорового мальчика, и решила не помещать его больше в интернат. Она на

время прекратила для него все занятия и заставляла его играть и гулять с младшими детьми, а когда здоровье его восстановилось, поместила его приходящим учеником в коллеж в Туре. Здесь ученье его пошло несколько лучше, чем в закрытом заведении, и в то же время у него появились мечты о будущей славе. На каком поприще он достигнет этой славы, Оноре еще не знал, но что о нем когда-нибудь заговорят, в этом он был твердо убежден. Домашние постоянно подсмеивались над этими мечтами юноши. При родителях Оноре всегда держал себя робко, сдержанно, и они считали его самым обыкновенным ребенком, скорее ниже, чем выше посредственности; сестры и товарищи видели в нем веселого, добродушного, шаловливого мальчика, увлекавшегося детскими играми, и не подозревали в нем никаких особенных способностей.

В конце 1814 года Бальзак-отец получил место при интендантстве, семья переселилась в Париж, и Оноре перешел в Парижский коллеж. Он кончил курс коллежа семнадцати лет, и отец его, находя, что для образованного человека прежде всего необходимо знать законы как своей страны, так и чужих государств, поместил его для занятий сначала у стряпчего, потом в конторе нотариуса. Три года изучал Оноре практическое право, посещая в то же время некоторые лекции в Сорбонне. Страсть к чтению не оставляла его и часто переходила в библиофильство: свои немногие карманные деньги он тратил на покупку у букинистов редких изданий и таким образом положил начало своей богатой библиотеке. В 21 год молодой человек, выдержав экзамены, мог считать свое образование законченным и должен был избрать себе какую-нибудь деятельность.

Отец с торжеством объявил ему, что ему нечего затруднять себя выбором, что карьера его обеспечена. Один господин, которому во время революции г-н Бальзак оказал помощь, занимал место нотариуса в Париже и в благодарность своему старому покровителю предлагал взять к себе на службу его сына, а через несколько лет обещал передать ему и всю свою контору. Оноре возмутился. Трехлетняя возня с разными юридическими документами достаточно надоела ему, он надеялся, что, окончив курс, получит возможность посвятить себя литературе, к которой давно чувствовал призвание, а ему предлагают снова занять ненавистное место клерка у нотариуса и манят его в далекой перспективе скромным местом нотариуса, – его, который мечтал о славе, о всемирной известности! Он в самых энергичных выражениях отверг предложение отца и напрямик объявил, что ненавидит юриспруденцию и хочет посвятить себя писательской деятельности. Отец, мать и старшие родственники, призванные на семейный совет, пришли в ужас и негодование. Литература

представлялась им несерьезным занятием, которым невозможно сделать карьеру. Они знали, что на свете бывают знаменитые писатели, но как мог мечтать о подобной знаменитости их Оноре, с трудом кончивший курс коллежа, ни в чем не проявлявший ни особенного ума, ни способностей, беззаботный весельчак, часто дурачившийся вместе с младшими детьми! Мальчик просто ленится, хочет бездельничать! Много неприятных семейных сцен пришлось вынести молодому Бальзаку, но он оставался тверд в своем решении, и в конце концов отец согласился на компромисс: он обещал не навязывать сыну никакого места и давать ему содержание в течение двух лет, с тем чтобы молодой человек испытал в это время свои силы на литературном поприще. Оноре должен был жить в Париже один. Незадолго перед тем отец его лишился своего места, и семья решила переехать в свое маленькое поместье в Вальпаризи.

Отчасти вследствие собственных денежных затруднений, отчасти чтобы не «баловать» юношу и заставить его поскорей почувствовать необходимость покориться и приняться за практическое дело, родители назначили молодому Бальзаку очень скудное содержание. Оноре нанял себе маленькую комнату на чердаке и часто нуждался в самом необходимом. Но он мужественно перенес переход от комфорта зажиточной семейной обстановки к неудобствам бедной и одинокой жизни. Чтобы избавить сына от насмешек знакомых, в случае, если бы его попытка окончилась неудачей, родители его никому не говорили, что он живет в Париже, и сам он ни с кем не знался. Отчасти по недостатку средств, отчасти из опасения встретиться с кем-нибудь из знакомых, он не пользовался никакими общественными удовольствиями, не ходил даже на людные улицы. Любимой прогулкой его было кладбище Лашез, где он мечтал над могилами великих людей и вздыхал о судьбе тех из них, которые погибли жертвой толпы, не понимавшей ни их идей, ни их поступков.

В письмах к любимой сестре он то в шутливых, то в восторженных выражениях описывает свою жизнь того времени, говорит о всех своих материальных лишениях и нравственных страданиях, о широких планах и гордых замыслах.

«Я взял себе лакея, – пишет он в одном из своих первых писем. – Да, лакея, у него очень странное имя, его зовут: „Я сам“. Это очень плохое приобретение для меня, „Я сам“ ленив, неловок, непредусмотрителен. Его хозяин терпит голод и жажду, а он не может принести ему ни хлеба, ни воды; он не может даже защитить его от ветра, который дует на него и через дверь, и через окна». Дальше рассказывается, как он бранит своего лакея: «„Я сам!“ – „Чего изволите?“ – „Посмотрите на эту паутину, в

которой жужжит муха под самым моим ухом! Посмотрите, какая пыль под кроватью, какая грязь на окнах, свету не видать!“ Лентяй глядит и не двигается с места! Но несмотря на все его недостатки, я никак не могу расстаться с этим дураком».

В другом письме он говорит:

«Положение моего хозяйства самое бедственное: работа мешает чистоте. Негодяй „Я сам“ становится все более и более нерадивым. Он ходит за покупками не чаще, как дня через три-четыре, и покупает все в самых ближайших лавочках, хотя в них все продукты хуже и дороже, чем в других. Ходить в другие лавки далеко, а бедняк скупится на ходьбу; таким образом, твой брат, будущая знаменитость, питается уже теперь, как великий человек, т.е. он умирает с голоду».

В том же письме он просит сестру прислать ему из библиотеки отца том Тацита и прибавляет:

«Вместе с Тацитом не забудь прислать мне покрывало для ног; если бы ты могла присоединить к нему какую-нибудь старенькую шаль, она бы мне очень пригодилась. Ты смеешься? Но она мне нужна для ночного костюма. Прежде всего мне надобно было позаботиться о ногах, так как они всего больше страдают от холода. Я их завертываю в плащ, который мне смастерил в Туре Гроньяр (плохонький портной, перешивавший платье старика Бальзака его сыну. – *Авт.*). К сожалению, этот плащ слишком короток, и верхняя часть моего тела плохо защищена от холода, который сквозь крышу и фланелевую рубашку легко проникает до кожи твоего брата, увы, слишком нежной, чтобы его переносить!»

Среди этой нищенской обстановки молодой человек не унывал:

«На улице Лёдигьер, № 9, – шутит он в письме к сестре, – загорелась голова одного бедного юноши, и пожарные не могли затушить огонь. Причина пожара – красавица, с которой он не знаком; говорят, она живет в конце моста „Искусств“, ее зовут „Слава“. Беда в том, что, пылая, юноша все еще рассуждает, он говорит самому себе: „Есть ли у меня гений или нет, во всяком случае меня ожидает много горя. Без гения – я мученик! Мне придется всю жизнь ощущать неисполнимые желания, подлую зависть, тоску и печаль. Если у меня есть гений – меня будут преследовать, на меня будут клеветать, я знаю, что тогда г-же „Славе“ придется часто утирать мои слезы“.»

Множество планов и проектов роились в голове молодого мечтателя. Он задумывал комедии, трагедии, комические оперы, начал два романа, проработал над ними несколько недель и бросил их. Наконец, после многих колебаний, он остановился на трагедии в стихах в классическом стиле и

поспешил сообщить о своем решении сестре.

«Я остановил свой выбор на „Кромвеле“, – пишет он ей, – он мне представляется самым красивым лицом новой истории. С тех пор как я облюбовал и обдумал этот сюжет, я отдался ему всей душой. Масса идей осаждает меня, но меня постоянно задерживает моя неспособность к стихосложению. Я не раз изгрызу себе все ногти, прежде чем кончу первый памятник своего творчества. Если бы ты знала, как трудно создавать подобные произведения! Великий Расин два года отделял „Федру“, приводящую в отчаяние поэтов. Два года! Подумай только: два года! Но как мне приятно, работая день и ночь, связывать мои работы с мыслью о дорогих мне людях. Ах, сестра! Если правда, что небо одарило меня каким-либо талантом, я особенно рад тому, что моя слава падет и на вас. Какое счастье победить забвение, прославить имя Бальзака! При этой мысли вся моя кровь закипает! Когда мне приходит в голову какая-нибудь красивая идея, мне кажется, я слышу твой голос: „Смелей, вперед!“ – В виде отдыха я пописываю „Стеллу“, очень хорошенький, маленький роман. Я окончательно бросил комическую оперу. Я не могу найти для нее композитора, сидя в своей мурье^[3]; к тому же мне не следует подделываться под современный вкус, я должен писать, как писали Расин и Корнель, я должен работать для потомства! Кроме того, второй акт вышел у меня слаб, а первый слишком музыкально блестящ. Если сочинять просто ради сочинительства, так уж лучше писать „Кромвеля“. Но обыкновенно в трагедиях бывает до 2 тысяч стихов, подумай же, сколько мне надобно сочинить. Пожалей меня! Впрочем, что я? Нет, не жалея меня, я счастлив; скорей, завидуй мне и вспоминай меня почаще».

Творчество нелегко давалось ему.

«Ах, сестра, как я мучусь! – жалуется он в одном из своих писем. – Я пошлю к папе прошение, чтобы он мне предоставил первое вакантное место мученика! Я открыл в своем „цареубийце“ недостаток построения и массу плохих стихов. Я настоящий Pater dolorosa. Если окажется, что я не более чем плохой стихоплет, я, право, повешусь! Со своей несчастной трагедией я похож на Перетту-молочницу, и, может быть, сравнение мое слишком верно! А между тем это произведение должно выйти удачным во что бы то ни стало, я должен иметь что-нибудь законченное к тому сроку, когда маменька потребует у меня отчета. Я целые ночи провожу за работой, не говори ей этого, она станет беспокоиться. Сколько труда доставляет любовь к славе! Да здравствуют лавочники, черт возьми! Они целый день торгуют, вечером считают свои барыши, время от времени наслаждаются какой-нибудь страшной мелодрамой и чувствуют себя счастливыми! Да, но

ведь вся их жизнь проходит среди крупы и мыла. Лучше скажем: да здравствуют литераторы! Да, но они все бедны деньгами и богаты только разочарованиями. Ба! Пусть те и другие живут как хотят, и да здравствует весь свет!»

Сестра Бальзака была поверенной всех тех колебаний в настроении, которые обуславливаются напряженной авторской работой. Ей первой сообщил он план своей трагедии, но под большим секретом, желая сделать сюрприз остальной семье.

«Немалый подарок, немалый знак дружбы даю я тебе, – шутливо замечает он при этом, – позволяя тебе присутствовать при акте зарождения гениального произведения (смейся, пожалуй!). Так как пока это только план, то я оставил на полях места, где ты можешь делать свои великолепные замечания. Несмотря на эту великую вольность, прошу вас, сударыня, читайте почтительно план Софокла Младшего. Подумать, что можно прочесть в один час то, что иногда приходилось писать целые годы».

Сам автор увлекается своим планом и чрезвычайно доволен им. В последней сцене несчастная вдова казненного Карла I, узнав о кончине мужа, должна разразиться проклятиями против Англии и обещать отомстить ей, восстановить против нее Францию, которая победит, раздавит ее.

«Это будет необыкновенно торжественно, – восклицает он, – и, уверяю тебя, я мастерски проведу эту сцену. После нее партер уйдет спать весь в слезах. Хватит ли у меня таланта! Мне хочется, чтобы моя трагедия стала настольной книгой королей и народов. Я должен начать с образцового произведения или сломать себе шею! Умоляю тебя именем нашей братской любви, не говори мне: „Это хорошо“. Указывай мне только мои недостатки; достоинства я сам хорошо знаю! Не может быть, чтобы ты не нашла план превосходным. Какое красивое построение! Как интерес возрастает с каждым явлением! Инцидент с сыновьями Кромвеля очень удачно придуман. Характер сына Страффорда также замечательно как удался мне! Великодушие Карла I, возвращающего Кромвелю его сыновей, прекраснее, чем великодушие Августа, прощающего Цинне. Осталось исправить некоторые ошибки, но они незначительны, и я их уничтожу».

В этих письмах к сестре выразился весь Бальзак, увлекающийся мечтатель, быстро переходящий от самовосхваления к отчаянью, энергичный, неутомимый работник, не отступающий ни перед какими трудностями. Не написав еще ни одной строки, годной к печати, он в мечтах уже не довольствуется одной только литературной славой.

«Я более чем когда-нибудь думаю о своей карьере по тысяче причин, из которых я укажу тебе только некоторые, так как ты, может быть, не

видишь их, – пишет он сестре. – Наши революции еще далеко не кончены, по тому, как все волнуется кругом, я предвижу еще много бурь впереди. Хороша или дурна представительная система, но она требует огромных талантов; во время политических кризисов будут непременно обращаться к великим писателям; разве они с образованием не соединяют наблюдательности и глубокого знания человеческого сердца? Если я окажусь молодцом (правда, это еще неизвестно), я могу достичь не одной только литературной известности. Присоединить к имени великого писателя имя великого гражданина – какая соблазнительная цель!»

Глава II

Чтение «Кромвеля». – Переселение в Вальпаризи. – Дружба с г-жою Берни. – Первые заработки. – Финансовые предприятия. – Разорение.

В апреле 1820 года «Кромвель» был окончен, и молодой автор, вполне довольный своим произведением, приехал с ним в Вальпаризи. Он был так уверен в успехе, что устроил торжественное чтение своей драмы и пригласил на него всех родных и многих знакомых, особенно тех, кто не верил в его талант и советовал ему пристроиться к нотариусу или в какое-нибудь министерство. Слушатели чинно уселись в большой зале, автор начал чтение, стараясь и голосом, и жестами оттенять все красоты своего произведения. Но, увы! Чем дальше он читал, тем холоднее становилась его декламация, тем более охватывали его уныние и тревога: он видел на лицах присутствовавших все возрастающее выражение скуки, утомления, даже в глазах своей любимой сестры, Лауры, он не прочел ободрения: она глядела как-то испуганно, она, видимо, была разочарована и страдала за него. По окончании чтения все единогласно решили, что произведение очень слабо, а наиболее строгие родственники прямо заявляли, что литературная бездарность Оноре очевидна и что ему следует как можно скорее приняться за какое-нибудь полезное дело.

Г-н Бальзак, понимая, как должен страдать его сын, в утешение предложил ему передать трагедию на просмотр какому-нибудь беспристрастному и компетентному в этом деле лицу. «Кромвеля» переслали к одному старому профессору Политехнической школы – человеку, известному своим широким литературным образованием. Профессор добросовестно прочел трагедию и затем объявил, что автор ее может заниматься чем ему угодно, но отнюдь не литературой.

Новый удар для самолюбия молодого Бальзака, но он перенес его с удивительным мужеством. «Это значит только, что я не способен писать трагедии, – сказал он, – ну, я буду писать что-нибудь другое!» – и он собирался вернуться в свою мансарду. Этому воспротивилась мать. За 15 месяцев парижской жизни Оноре до того исхудал и побледнел, что она не захотела подвергать здоровье его новому испытанию. Пусть он пишет, если решительно не хочет делать ничего другого, но пусть живет в семье, сытно ест, не страдает от материальных лишений. Бальзак покорился и этому, как раньше покорялся своему парижскому изгнанию, и немедленно взялся

снова за перо. Он оставил на время всякие попытки писать драмы и решил сосредоточить свои силы на романе. В доме отца он был вполне обеспечен в материальном отношении, но далеко не пользовался той свободой и тем покоем, как в своей бедной мансарде. Семья была большая, во главе ее стояла хлопотливая хозяйка, и при своем живом, отзывчивом характере он не мог не принимать участия во всех мелких и крупных событиях домашней жизни. Нравственная и материальная зависимость от семьи сильно угнетала его, оскорбляла его самолюбие. Особенно тяжело ему стало после свадьбы Лауры, которая вышла замуж за инженера Сюрвиля и уехала со своим мужем в Байе. Единственное средство выбиться на волю, завоевать себе уважение и обеспеченность он видел в литературной работе и предавался ей с лихорадочным жаром.

В 1822 году вышел в свет его первый роман «L'Héritière de Birague» ^[4]. Роман этот, наполненный мелодраматическими сценами и невероятными сцеплениями обстоятельств, не выдерживает никакой критики. Сам автор, сознавая его недостатки, подписал его псевдонимом и не решился даже послать сестре экземпляр. Это не уменьшало, однако, его энергии; почти одновременно с первым романом он написал второй, а затем – третий; оба были столь же плохи и появились в печати под тем же псевдонимом, как и первый. Насколько Бальзак сознавал всю неприятность и унижительность такой спешной, ремесленной литературной работы, видно из его писем к сестре, с которой он был по-прежнему вполне откровенен и искренен.

«Я должен писать, писать каждый день, – говорит он ей, – чтобы завоевать себе самостоятельность, которой меня лишают! Я пытаюсь пробиться на свободу романами, и какими романами! Ах, Лаура, какое крушение всех моих надежд на славу! Если бы у меня был верный доход в 1500 франков, я мог бы работать для славы, но такого рода работы требуют времени, а мне нечем жить. И мне остается лишь это постыдное средство для приобретения независимости! Если я не начну теперь же зарабатывать деньги, на сцену снова выступит призрак места, не нотариуса, правда, так как Т. умер, но я знаю, что М. под сурдинкой ищет мне другую должность, – что за ужасный человек! Считайте меня мертвым, если я попаду под этот гасильник, если я превращусь в манежную лошадь, которая проходит свои 30, 40 кругов в час, ест, пьет, спит в определенные минуты. Неужели можно назвать жизнью это машинальное и постоянное вращение около одних и тех же предметов?»

В следующем письме, сообщая о выходе в свет своего третьего и четвертого романов, Бальзак замечает:

«Посылаю тебе два моих новых сочинения, они еще очень плохи и, в

особенности, мало литературны. Ты найдешь в одном из них несколько довольно смешных шуток, некоторое подобие характеров, но план их никуда не годится. К сожалению, завеса спадает с глаз только после напечатания, когда об исправлениях нечего и думать, они обойдутся дороже, чем вся книга. Единственное достоинство этих двух романов, дорогая моя, это – та тысяча франков, которую мне за них дали, дали, впрочем, не наличными деньгами, а расписками на долгие сроки. Во всяком случае, я начинаю чувствовать и понимать свои силы. Я сознаю, к чему я способен, и должен жертвовать цвет своих идей на такие бездарные произведения! От этого можно заплакать!»

«И если бы кто-нибудь чем-нибудь скрасил мое холодное существование! – жалуется он в другом письме. – Я не вижу цветов жизни, а между тем для других в мои года они цветут. Зачем мне будет богатство и наслаждения, когда моя молодость пройдет? К чему актерский костюм, когда не приходится больше играть на сцене? Старик – это человек, который пообедал и смотрит, как едят другие, а я молод, и моя тарелка пуста, и я голоден! Лаура, Лаура! У меня всего два единственных, но громадных желания: быть знаменитым и быть любимым! Исполнятся ли они когда-нибудь?»

Второе из желаний романиста, по-видимому, вскоре исполнилось: именно в это время он познакомился с женщиной, которая была для него в течение нескольких лет более чем другом. В Вальпаризи, по соседству с семейством Бальзака, жил г-н де Берни с молодой женой и детьми. Близкое соседство повело к знакомству и к дружественным отношениям. Г-н де Берни был гораздо старше жены и отличался раздражительным, нетерпеливым характером. Согласие в семье поддерживалось только благодаря г-же де Берни, относившейся к мужу с необыкновенной кротостью и покорностью. Эта была в высшей степени симпатичная женщина, не красавица, но очень привлекательной наружности, с любящим сердцем и живым воображением. Ее старший сын был одних лет с младшим братом Бальзака, и Оноре давал уроки обоим мальчикам. Эти занятия сблизили молодого человека с семьей его ученика. Он часто бывал у них в доме, играл в карты с г-ном де Берни, терпеливо переносил его раздражительность и так пленил его своим открытым, веселым нравом, что тот и не думал ревновать его к жене, которая притом была на несколько лет старше его. Г-жа де Берни принимала живое участие в судьбе и литературных успехах молодого человека. Как женщина образованная, одаренная вкусом и литературным чутьем, она часто давала ему советы, делала предостережения и критические замечания. Откровенный, даже

слишком болтливый по поводу своих литературных произведений и своих денежных дел, Бальзак был в высшей степени скромно касательно своих отношений с женщинами. Никто, кроме его домашних, ничего не знал о его дружбе с г-жою де Берни, но и они не могли наверняка сказать, перешла ли дружба эта в настоящую любовь. В своих письмах Бальзак упоминает о ней не только с нежностью и благодарностью, но даже с каким-то благоговением. Получив известие о ее болезни в 1836 году, он пишет матери:

«Ах, маменька, я себя не помню от горя! Г-жа де Берни умирает! Это несомненно, -только Бог да я, мы знаем, как велико мое отчаяние! А я должен работать, работать, проливая слезы!»

Получив известие о ее смерти, он пишет:

«Страшное горе, которого я ожидал, разразилось; я нашел среди других писем письмо с траурной каемкой... Женщина, которой я лишился, была для меня больше чем матерью, больше, чем другом, больше, чем один человек может быть для другого. Она была моим божеством! Во время сильных бурь она поддерживала меня словом, делом, своим самоотвержением. Если я живу, то только благодаря ей; она была для меня всем! Хотя в последние два года болезнь нас разлучила, но мы видели друг друга через расстояние; она влияла на меня, она была моим нравственным солнцем. Г-жа де Марсоф в „Le Lis“ есть бледное отражение некоторых свойств этой женщины; она далеко не похожа на нее, мне противно выставлять собственные чувства напоказ публике, и я никогда не описываю того, что со мной случилось».

Вспоминая о ней позднее, он говорит:

«Я должен один бороться против всех моих врагов, а в прежние годы со мною вместе боролось самое кроткое, самое мужественное существо в мире: женщина, которая каждый день воскресает в моем сердце и перед божественными свойствами которой всякая другая любовь представляется мне бледной. Мне не у кого больше просить совета при моих литературных затруднениях, не от кого ждать помощи в житейских невзгодах; когда я в чем-нибудь колеблюсь, руководящей нитью мне служит лишь эта горестная мысль: „Что бы она сказала, если бы была жива?“»

Насколько усиленно работал Бальзак в первые годы своей литературной деятельности, видно из того, что в течение одного 1822 года вышло в свет пять его романов, составивших в общей сложности 20 небольших томов. Первые два из них («L'héritière de Virague» и «Jean-Louis») написаны им совместно с его товарищем по коллежу, довольно двусмысленным субъектом, который и приискал ему издателя, но, начиная

с третьего («L'Israélite»), Бальзак работает один.

Получив за один из своих романов тысячу франков, он предается приятным мечтам и надеждам: он рассчитывает, что очень скоро цифра его заработка удвоится, что ему будут платить по 2 тысячи за роман, он станет писать по 6 романов в год и будет, таким образом, получать 12 тысяч франков годового дохода: «Тогда я женюсь, – мечтает он в письме к сестре. – Я выберу себе скромную и верную (если это возможно) жену, я заведу хорошенькое маленькое хозяйство, новенькое, чистенькое, как немецкая игрушечка».

Суровая действительность разрушила эти мечты. Издатели не только не увеличивали платы за его романы, а, напротив, часто вместо денег давали ему расписки, по которым ему приходилось долго ждать уплаты. Семья продолжала смотреть на его работу как на пустую забаву, на безделье, и толковать ему о необходимости пристроиться. Эти толки возмущали его, материальная и нравственная зависимость угнетала его все больше и больше, и он решил попробовать приобрести средства для существования путем какого-нибудь коммерческого предприятия. Во время частых поездок в Париж по делам издания своих романов он познакомился с одним господином, который принял живое участие в его судьбе и предложил ссудить его деньгами для начала какого-нибудь самостоятельного дела. Бальзак с радостью принял это предложение и решил заняться книгоизданием. В то время еще не существовало тех дешевых компактных изданий известных писателей, которыми изобилует современный книжный рынок. Бальзаку первому пришло в голову напечатать в одном томе все произведения Мольера и Лафонтена. Увлечшись по обыкновению своей идеей и уверенный в громадном успехе ее, он, боясь конкуренции, стал печатать обе книги одновременно. Издания вышли в большом количестве экземпляров, но неопытный издатель еще не умел вести дел с книгопродавцами. Они неохотно брали его книги на комиссию и вовсе не заботились о распространении их. Денег, занятых Бальзаком, не хватило на широкие рекламные публикации, и его бедные издания лежали на складе никому не нужные, никому не известные. В год у него не разошлось и 20 экземпляров, и, чтобы не платить за наем склада, он принужден был продать все остальные книги на вес. Таким образом, вместо барыша первое коммерческое предприятие дало ему только долг. Он принужден был просить отсрочки у своего кредитора, и тот предложил ему новое дело. Он свел его с одним хозяином типографии, который продавал свое заведение. Бальзак тотчас решил, что должен купить его, что это самый верный и приятный путь к обогащению. Ричардсон печатал свои

романы в собственной типографии и разбогател, – почему же ему, Бальзаку, не идти тем же путем? Его кредитор помогал ему вести переговоры с продавцом и явился его ходатаем перед родителями. Нелегко было уговорить старого Бальзака, но в конце концов он решил, что если сын его не может быть ничем лучшим, то пусть будет хоть порядочным коммерсантом, и согласился дать требуемую сумму на покупку типографии и на приобретение патента. Этот патент на звание типографщика стоил во Франции при Карле X не более не менее как 15 тысяч франков. В компаньоны себе Бальзак взял одного опытного наборщика, с которым познакомился во время печатанья своих первых произведений. Этот наборщик был человеком добросовестным, трудолюбивым, но совершенным бедняком, жившим исключительно своим трудом. У Бальзака тоже не было ни сантима оборотного капитала. При таких условиях, конечно, трудно было вести дела. Приходилось не отказываться ни от каких заказов, печатать в долг или за самую дешевую цену, чтобы только не сидеть сложа руки; часто работа шла в убыток, дела запутывались все больше и больше, но молодые компаньоны не унывали. Для поправки своих финансовых дел Бальзак, по совету некоторых друзей, вздумал приобрести еще словолитню, которая по случаю продавалась очень дешево и должна была, как его уверяли, дать громадные барыши. Эта новая затея оказалась еще разорительнее двух первых. Покупка сделана была в долг, приходилось в определенные сроки уплачивать проценты и условленную часть капитала, а между тем в словолитню поступало так же мало заказов, как и в типографию, обе работали в убыток. Бальзак употреблял всевозможные усилия для добывания денег, мучился так, что впоследствии всегда называл это время самым несчастным в своей жизни, и наконец, когда все другие средства были исчерпаны, решился обратиться за помощью к родителям. Г-н и г-жа Бальзак очень неохотно согласились на новые денежные пожертвования для сына: они видели, что его дела все больше и больше запутываются, и боялись, что вместе с ним разорится и вся семья. Они поддерживали его в течение нескольких месяцев, а затем наотрез отказались давать что-либо. Бальзаку грозило полное банкротство. Он продал за бесценок оба свои заведения, и оба они в других руках принесли громадные барыши только потому, что новые владельцы их располагали достаточным оборотным капиталом. В результате всей коммерческой деятельности Бальзак оказался должен 120 тысяч франков. Этот долг тяготил его в течение почти всей жизни и заставлял делать невероятные усилия для добывания денег.

В течение пяти лет, пока продолжалась эта неудачная попытка

разбогатеть путем промышленного предпринимательства, литературная деятельность романиста почти приостановилась. За все это время он написал три-четыре романа, столь же слабые, как и предыдущие, и появившиеся под теми же псевдонимами.

Но, как только разорение стало очевидным, первой мыслью его было снова взяться за перо. Он нанял себе маленькую комнатку на улице Турнон, перевез туда сохранившуюся после продажи часть мебели и мужественно приготовился вести жизнь бедного труженика.

– Что вы намерены теперь делать, друг мой? – с соболезнованием спрашивал его известный в то время публицист, покровитель молодых талантов, издатель «Фигаро» Делятуш.

– Что делать? Конечно, писать! – отвечал Бальзак. – Писать не для славы, а для уплаты моих долгов!

Верное представление о том, какую жизнь приходилось в это время вести романисту, дает нам он сам в одном из писем к сестре. Лаура Сюрвиль жила в это время в Версале, и там же поселилась вся семья Бальзака, продав свое имение в Вальпаризи. Эта семья по-прежнему не одобрительно относилась к его литературной деятельности и сердилась, что он редко приезжает, редко дает о себе знать, ведет какую-то странно-отшельническую жизнь. Лаура передала брату эти жалобы родителей, и вот что он пишет ей в ответ:

«Твое письмо заставило меня провести два отвратительных дня и две отвратительные ночи. Я сочинял по пунктам свое оправдание вроде мемуара Мирабо против отца, и эта работа увлекала меня; но я не могу написать ее: мне некогда – пойми это, сестра. Притом же я вовсе не считаю себя виноватым. Меня упрекают, что я роскошно отделал свою комнату; но вся мебель была приобретена мною до катастрофы! После нее я ровно ничего не купил! Голубая ситцевая обивка, о которой так много толкуют, была в моей комнате в типографии. Мы с Делятушем собственными руками приколотили ее поверх обоев, которые необходимо было переменить. Книжки – это мои рабочие инструменты, я не могу продавать их. Тот вкус, с которым у меня убрана комната, нельзя купить за деньги (к несчастью для богачей), и я так мало дорожу всеми своими вещами, что если кто-нибудь из моих кредиторов вздумает засадить меня в Сан-Пелажи (долговая тюрьма), я буду очень рад, там мне не придется тратить на жизнь; что же касается затворничества, то никакое тюремное заключение не может быть строже того затворничества, в которое я сам себя засадил ради работы. Лишняя почтовая марка, омнибус – это роскошь, которую я не могу часто позволять себе; я никуда не хожу, чтобы не изнашивать платье. Понятно ли

это? Не заставляйте же меня делать поездки, ходить в гости, – это для меня невозможно! Не забывайте, что мое единственное богатство – это мой труд, что у меня нет денег на самые пустяшные расходы. Если бы вы вспомнили, как много мне приходится писать поневоле, вы не требовали бы от меня писем. Писать, когда мозг утомлен и душа измучена! Такие письма только огорчат вас. К чему они? Разве вы не понимаете, что, прежде чем приниматься за работу, я часто должен еще написать 7 или 8 ответов на деловые письма!»

Глава III

«Шуаны». – Бретань и замок Поммерель. – Первый литературный успех. – Власть денег. – Жорж Санд.

Первые романы Бальзака написаны под несомненным влиянием Вальтера Скотта; он и теперь продолжал искать себе сюжетов в истории. Случайно услышал он рассказ об одном драматическом происшествии, имевшем место в Бретани во время Великой французской революции, и решил немедленно воспользоваться им для нового романа. Все подробности драмы ясно рисовались в его воображении, но он чувствовал, что для ее воспроизведения ему необходимо изучить местность, в которой она происходила, лично познакомиться с Бретанью и ее обитателями. К счастью, он вспомнил, что недалеко от маленького городка Фужер находилось поместье знакомого его семьи, генерала де Поммереля. Он откровенно описал ему свое положение и просил у него приюта дней на 20. Генерал отвечал ему любезным приглашением, и Бальзак поспешил в Бретань.

Появление молодого парижанина среди однообразной, уединенной жизни провинциальных помещиков было для них целым событием. Пятьдесят лет спустя г-жа Поммерель еще помнила своего оригинального гостя, и вот как она его описывала:

«Это был человек невысокого роста с неизящной фигурой, казавшейся еще более неизящной от дурно сшитого платья; руки его были великолепны; на голове была надета какая-то дрянная шляпенка, но, когда он ее снял, все остальное исчезло, я смотрела только на его голову. Кто не видал этого лба и этих глаз, тот не может понять, что это был за лоб и за глаза: большой лоб, на котором лежал как бы отблеск света, и карие глаза, отливавшие золотом, – глаза, выражавшие все так же ясно, как слова. У него был толстый четырехугольный нос, огромный рот, который вечно смеялся, показывая гадкие зубы, густые усы и длинные волосы, откинутые назад. Когда он к нам приехал, он был довольно худощав и показался нам истощенным. Он с жадностью набросился на пищу, бедный юноша! Во всей его фигуре, в его жестах, в его манере говорить, держать себя проглядывало столько доверчивости, столько добродушия, наивности и откровенности, что невозможно было не полюбить его. Всего замечательнее в нем была его постоянная веселость, такая искренняя и шутовская, что она становилась заразительной. Несмотря на перенесенные

им несчастья, он не пробыл с нами и четверти часа, мы еще не успели показать ему его комнату, а он уже до слез насмешил нас, генерала и меня».

Для исполнения своей цели Бальзаку трудно было найти лучшее место, нежели замок Поммерелей. Он находился в самом центре шуанства, многие близкие знакомые и члены семьи Поммерелей принимали участие в Вандейском восстании, среди местных крестьян еще жили старики, бывшие герои партизанских войн. И Бальзак с жадностью прислушивался ко всем рассказам, касавшимся того времени, знакомился с крестьянами, учился их говору, наблюдал все особенности их жизни, узнавал у них местные названия разных вещей. Часто уходил он то один, то с генералом на целые дни из дома, чтобы подробнее изучить все окрестности; пейзаж, открывавшийся из окна его комнаты в замке, с большой точностью перенесен им на страницы романа. Проведя несколько дней в изучении природы, в наблюдении местных нравов и обычаев, Бальзак принялся за писанье. С раннего утра засаживался он за свой рабочий стол и отходил от него только в часы завтрака и обеда. Впрочем, вечера он проводил со своими хозяевами. По приезде он объявил им, что будет платить за свое содержание, но не деньгами, так как денег у него нет, – а историями. И вот каждый вечер, когда вся семья была в сборе, он занимал ее каким-нибудь более или менее драматическим рассказом. Часто он начинал в таком роде: «Генерал, вы, наверное, знали в Лилле семью X., не тех X., что из Рубэ, а тех, что сродни Z. из Бетюна. У них в доме произошла замечательная драма...», – и он рассказывал так живо, увлекательно, с такими правдивыми подробностями, что присутствующие заслушивались и готовы были поверить в истинность происшествия.

– Да правда ли это, Бальзак? – спрашивал у него генерал по окончании рассказа.

Бальзак смотрел на него плутовскими глазами.

– Ни слова правды! – восклицал он со своим обычным громовым хохотом, от которого дрожали стекла. – Все это – чистая бальзаковщина! А что, генерал, ведь хорошо будет написать такую штуку? Правда, хорошо?.. Все эти люди, – говорил он о героях своих рассказов, – живут, любят, страдают, волнуются у меня в голове, но, если Бог продлит мой век, все они будут приведены в порядок, расставлены по местам в моих книгах, в тех чудесных книгах, которые я напишу, вы увидите.

Действительно, когда несколько лет спустя появились в печати его «Scènes de la vie privée» («Сцены из частной жизни»), в Фужере узнали многие эпизоды, слышанные раньше от автора.

После двух месяцев спокойной жизни под гостеприимным кровом

друзей Бальзак вернулся в Париж к своей одинокой трудовой жизни, полной лишений и мелких неприятностей. Насколько тяжела была эта жизнь, видно из того, что он часто мечтал, как было бы хорошо, если бы кредиторы засадили его в долговую тюрьму, и не раз, проходя по мосту через Сену, чувствовал сильнейшее желание броситься в воду, чтобы покончить свое жалкое существование.

При таких обстоятельствах закончил он свой роман, начатый в Фужере. Этот роман вышел в свет в начале 1829 года и был первым произведением, которое Бальзак подписал не псевдонимом, а собственным своим именем. Роман («Шуаны, или Бретань в 1800 г.») имел успех, и это ободрило автора. Он перестал обращать внимание на постоянные увещевания родных поискать какого-нибудь порядочного места и бесповоротно решил посвятить всю свою жизнь литературе. За «Шуанами» быстро последовал новый исторический роман «Екатерина Медичи», а затем «Физиология брака» («Physiologie du mariage») – целый том подчас остроумных, подчас циничных рассуждений о брачной жизни и о средствах обезопасить себя от неверности жены. Книга наделала шума, имя Бальзака начало приобретать известность. Журналы открыли ему свои страницы, издатели стали охотно печатать его произведения. И он писал, писал неутомимо повести, романы, фельетоны, юмористические и критические статьи. Длинный список вещей, написанных им в эти первые годы литературной деятельности, приводит в изумление. Он вел жизнь отшельника, почти ни с кем не виделся и работал без перерыва часов по 14-16 в сутки. Обыкновенно он обедал в 5 часов, в 6 ложился спать и спал до полуночи, затем вставал и почти не отрывался от письменного стола до следующего обеда. Для поддержания сил он несколько раз в день пил крепкий кофе и впоследствии нередко до того злоупотреблял им, что доводил себя до настоящих галлюцинаций.

Вместе с известностью пришли и деньги, но первое время Бальзак мало пользовался ими: они почти целиком попадали в руки кредиторов, их даже не хватало на уплату процентов и самых неотложных обязательств. Бедному романисту беспрестанно приходилось то прятаться от кредиторов, то хлопотать о переписке векселей, об отсрочке платежей, забирать у издателей вперед, делать новые долги, чтобы уплатить старые. «Я живу точно травленный заяц», – говорил он о себе в это время.

Кто знает, какое громадное место в жизни Бальзака занимал денежный вопрос, того не удивит, что он отводил деньгам такую значительную роль в своих произведениях. Нехватка денег постоянно преследовала его, деньги деспотически властвовали над ним, приковывали его к труду часто

непосильному, заставляли его напрягать творческую фантазию до последних пределов возможного; они даже в часы досуга врываются в его мечты: все его воздушные замки покоились обыкновенно на тщательных расчетах фантастических тысяч и миллионов франков, убедившись собственным горьким опытом, каким важным двигателем современной жизни они являются, он охотно делал их главным рычагом всех поступков своих героев. Выводя перед читателем какое-нибудь действующее лицо романа, Бальзак подробно знакомил с его имущественным положением, точно определял его доход и расход, рассказывал все спекуляции и финансовые операции, посредством которых он разжился или разорился. В его произведениях мы находим яркую картину бешеной погони за богатством, беззастенчивой страсти к наживе, которую он видел всюду вокруг себя среди буржуазного общества Июльской монархии, – страсть, которой и сам он не был вполне чужд.

Через два года невероятных усилий часть долга была погашена, и романист вздохнул свободнее. Заработок продолжал возрастать, и его уже могло хватать на постоянное удовлетворение остальных кредиторов и на скромное, безбедное существование. Но сытая, правильно размеренная, расчетливая жизнь была не по душе Бальзаку. Удовлетворение первых жизненных потребностей всегда стояло у него на заднем плане; ему было все равно, чем питаться, какое носить платье; одно, к чему он чувствовал неодолимое влечение, – это изящество, даже роскошь в обстановке квартиры.

После неудачи своих коммерческих предприятий он без колебания отдал все свое имущество и весь свой труд в течение многих лет на удовлетворение кредиторов, но в то же время заботливо спасал от них обивку своей спальни, чтобы перенести ее в новую квартиру. Первые деньги, которыми он мог располагать, пошли у него на покупку разных мелких комнатных украшений, разных более или менее фантастических принадлежностей туалета. Поселившись на улице Кассини, где он часто сидел без обеда, Бальзак писал сестре:

«Ах, Лаура, если бы ты знала, как мне страстно хочется иметь два экрана, вышитые черным по голубому фону! Среди всех моих мучений мысль моя беспрестанно возвращается к ним! Я решил, наконец, поверить это желание сестрице Лауре. Когда я получу экраны, я не в состоянии буду дурно поступать, у меня будет постоянно перед глазами память моей милой сестры, столь снисходительной к своим собственным мыслям и столь строгой к моим».

Жорж Санд познакомилась с Бальзаком в 1830 году, при самом начале

своей литературной карьеры, и, не смотря на полное несходство характеров, сразу почувствовала к нему симпатию.

«В то время Бальзак еще не написал лучших своих произведений, – рассказывает она, – но я заметила его оригинальную манеру и смотрела на него как на мастера, у которого стоит поучиться. Меня представили ему не как „департаментскую музу“, а как добродушную провинциалку, поклонницу его таланта. Он отнесся ко мне очень мило, без особенной любезности, но с полной искренностью. Всем известно, как откровенно выражалось его самодовольство, самодовольство простительное, так как оно было в значительной степени основательно; как он любил говорить о своих произведениях, рассказывать их заранее, сочинять их во время разговора, читать их по черновым рукописям или по корректурным листам. В высшей степени наивный и добрый малый, он спрашивал совета у всякого встречного, причем обыкновенно не слушал ответа или опровергал его с видом превосходства. Бальзак никогда никого не поучал, он всегда говорил только о себе, о себе одном. Помню, один только раз случилось, что он забыл себя и стал рассказывать нам о Рабле, которого я еще не знала. Он говорил так ясно, так блестяще, так чудесно, что, уходя от него, мы решили: „Да, он наверно создаст себе будущность, о которой мечтает! Он так хорошо понимает других, что не может не сделаться великим человеком!“ В одно прекрасное утро Бальзак, продав выгодно свою „Reau de chagrin“ („Шагреновую кожу“), решил, что его квартирка на антресолях на улице Кассини никуда не годится, что ему необходимо нанять новую. Вместо этого он преобразил свои маленькие комнатки поэта в какие-то будуары маркизы и пригласил нас есть мороженое среди стен, обтянутых шелком, задрапированных кружевами. Мне было очень смешно; я никак не воображала, что он серьезно дорожит всей этой пустой роскошью, и думала, что это просто мимолетная фантазия. Я ошибалась: эти потребности кокетливого воображения сделались тиранами его жизни, и для удовлетворения их он часто жертвовал самым необходимым комфортом. Он постоянно жил таким образом, нуждаясь во всем среди своей роскошной обстановки, скорее готовый отказаться от супа или от кофе, чем от серебряного прибора или китайского фарфора. Артист-фантазер, дитя с золотыми снами, он воображением жил в волшебном дворце; человек упрямый, он добро вольно соглашался терпеть всякие неприятности и заботы, чтобы только перенести в окружающую действительность хоть некоторую часть своего сна». – «В другой раз Бальзак пригласил нас к себе обедать. Этот странный обед состоял, помнится, из вареного мяса, дыни и холодного шампанского. После обеда

он надел новый, очень красивый халат и щеголял в нем перед нами с таким удовольствием, точно девочка в новом платьице. Когда мы собрались уходить, он непременно захотел проводить нас в этом костюме до решетки Люксембургского сада. Было поздно, местность была пустынная, и я ему заметила, что его убьют на обратном пути. „Ни за что! – отвечал он. – Если я встречу воров, они меня примут за сумасшедшего и испугаются, или за принца и почувствуют почтение“. Ночь была тихая, и он провожал нас в халате, неся в руках зажженную свечу в красивом подсвечнике и толкуя о четверке арабских лошадей, которых у него еще нет, но которые очень скоро будут. Этим лошадям у него не было никогда в жизни, хотя одно время он был твердо убежден, что они у него есть. Если бы мы ему позволили, он прошел бы с нами до другого конца Парижа». – «Ребенок и могучий ум, вечно завидовавший каким-нибудь пустякам и никогда не завидовавший чужой славе, искренний до смирения, хвастливый до нахальства, доверчивый к себе и к другим, очень откровенный, очень добродушный, вполне безрассудный, циничный, несмотря на свое целомудрие, пьянеющий от простой воды, неумеренный в работе и умеренный во всех страстях, положительный и романичный, до крайности легковверный и скептик, полный противоречий и тайн – таков был Бальзак, в то время еще молодой человек, необъяснимый для тех, кого утомлял постоянный самоанализ, которым он угощал своих друзей и который тогда не всем казался особенно интересным».

Несмотря на полную противоположность взглядов, вкусов и убеждений Жорж Санд и Бальзака, дружба между ними продолжалась до конца их жизни, никогда не переходя в более нежное чувство. Мы видели, с какой симпатией Жорж Санд относилась к романисту; со своей стороны Бальзак высоко ставил талант «товарища Жоржа», как он называл романистку. В своем романе «Beatrix» он под именем Камиллы Мопен изображает женщину-писательницу с сильной, страстной душой, мужественным, благородным характером и развитым умом.

Многие черты ее, даже наружность, напоминают Жорж Санд. «Лицо ее, более длинное, чем овальное, похоже на лицо прекрасной Изиды; цвет его имеет днем несколько оливковый оттенок, как у итальянских красавиц; лоб высокий, широкий, властный, как у Дианы-охотницы; глаза непроницаемые, вечно задумчивые...»

Ни один из этих двух знаменитых писателей-современников не чувствовал ни малейшей зависти к таланту и успеху другого, и каждый из них с полной искренностью и откровенностью высказывал другому свои критические замечания на его произведения. Жорж Санд упрекала Бальзака

в безнравственности некоторых сцен его романов, Бальзак посмеивался над ее излишней чопорностью и над ее идеальными героями.

«Вы изображаете человека, каким он должен быть, – говорит он ей, – а я – таким, каков он есть на самом деле. Я тоже люблю исключительных людей, они мне даже нужны, чтобы оттенить моих пошляков, но эти пошляки интересуют меня больше, чем вас. Я их преувеличиваю в объеме; я их идеализирую, но в противоположную сторону: я идеализирую их безобразие и их глупость».

Глава IV

Реалистическое направление. – Честолюбивые мечты. – Выдвижение своей кандидатуры в Бретани, Камбре и Ангулеме. – Г-жа Карро. – Философия в романе. – Герцогиня де Кастри.

В 1830 году вышел в свет роман Бальзака «Шагреновая кожа» («Peau de chagrin»), и место романиста в литературе было прочно завоевано. Хотя в основу этого романа положена фантастическая завязка, сказка о волшебной коже, мистически связанной с судьбою человека, но многие страницы его дышат настоящей, жизненной правдой. Такая же жизненность, такая же реальность проявлялась и в других рассказах его, написанных в этом же году. После этого Бальзак перестал искать вдохновения в драматических эпизодах истории. Он почувствовал, что его сила заключается в изображении современного общества, современной жизни с ее мрачными сторонами, с ее грязными подробностями. И он редко отступал от этой программы, и все отступления его были малоудачны. Публика сразу отнеслась благосклонно к новому направлению. Романы и повести Бальзака быстро раскупались, издатели журналов спешили заручиться его именем для привлечения подписчиков; критика в эти первые годы его литературной деятельности относилась к нему благосклонно; перед ним открылись двери литературных салонов Парижа. Г-жа Жирарден, талантливая поэтесса (M-me Delaborde), жена Эмиля Жирардена, издателя газеты «Presse», называла себя его «ученицей» и считала его желанным гостем своих вечеров, на которых собирались все знаменитости тогдашнего литературного мира Парижа: В. Гюго, Мюссе, Ал. Дюма, Сент-Бёв и другие.

Этого быстрого успеха на литературном поприще оказалось недостаточно для честолюбия молодого писателя: ему захотелось к литературной известности присоединить славу государственного деятеля. Никогда серьезно не занимавшийся общественными вопросами, он вздумал принять участие в политике и влиять на ход государственной жизни страны. В 1831 году, вследствие нового избирательного закона, в нескольких местностях Франции происходили дополнительные выборы в палату депутатов, и он решил выставить свою кандидатуру в Бретани, в той самой местности, где так спокойно прожил несколько недель после своего банкротства. За поддержкой романист обратился к генералу Поммерелю. Он прислал ему свою брошюру политического содержания и просил

распространять ее среди лиц, имеющих влияние на выборы.

«Вы знаете мои принципы, – писал он ему, – и, надеюсь, окажете мне протекцию перед вашими избирателями. Кроме прилагаемой брошюры, я напишу еще 4 или 5, чтобы доказать избирателям, что я могу сделать им честь и что я постараюсь принести пользу стране. Что касается парламентской неподкупности, то я стремлюсь доставить торжество своим идеям, достигнув министерства, а люди с широкими, честолюбивыми замыслами никогда не продаются».

Это письмо носит подпись *де* Бальзак. На дворянское *де* автор не имел ни малейшего права, так как происходил из вполне буржуазной семьи, тем не менее он с этих пор присвоил его себе и постоянно присоединял к своей фамилии. Попытка вступить на путь парламентской деятельности в Бретани оказалась неудачной: тамошнее население не променяло своего местного кандидата, графа Рибуазьера, на какого-то парижского писателя. Бальзак не унывал и предложил себя кандидатом в двух других местностях: в Камбре и в Ангулеме. В Камбре его энергично поддерживала местная газета, издаваемая одним молодым писателем, страстным поклонником его таланта, а в Ангулеме – г-жа Карро, школьная подруга сестры его, умная, талантливая женщина и приятельница Бальзака, с которым ее соединяла взаимная, вполне платоническая дружба. Он высоко ценил ее ум, ее тонкий критический взгляд, часто советовался с нею по поводу своих произведений и всегда принимал в соображение ее замечания. Она послужила для него моделью «непризнанной женщины», – этого типа, с его легкой руки так долго державшегося во французской литературе. Г-жа Карро была женой артиллерийского коменданта, человека неглупого, даже ученого, но совершенно спокойного, лишеного всякого честолюбия, всяких широких стремлений и вполне довольствовавшегося своим местом инспектора порохового завода в Ангулеме. Он очень любил жену, но не видел в ней ничего особенного и находил, что она должна вполне удовлетворяться той тихой, семейной жизнью, которая нравилась ему. «Никогда еще такой необыкновенный ум не испытывал такого гнета! – говорил Бальзак о своей приятельнице. – Она так и умрет никому не известная, в своем темном углу!» Г-жа Карро, со своей стороны, искренно восхищалась романистом и поощряла его честолюбивые замыслы. Отчасти под ее влиянием он деятельно хлопотал о своей кандидатуре, написал несколько политических статей и брошюр; издал даже свою политическую программу. К сожалению, ни одного экземпляра этой программы не дошло до нас; те же взгляды, которые он высказывал в своих статьях, довольно неопределенны. Выступая кандидатом в Ангулеме, Бальзак принадлежал к

умеренно-либеральной оппозиции: он требовал уничтожения сословия мелких дворян и сохранения палаты пэров, независимости французского духовенства от Рима, возвращения Франции ее естественных границ, т.е. расширения ее до Рейна, сокращения государственных расходов и увеличения доходов путем лучшей системы налогов, всеобщего образования и т.п. Программа романиста, очевидно, не произвела впечатления на избирателей, и он потерпел неудачу и в Камбре, и в Ангулеме.

Его призванием была литература, и судьба как бы нарочно не подпускала его ни к какой другой деятельности.

Летом 1832 года Бальзак писал роман «Луи Ламбер» («Louis Lambert»), над которым ему приходилось основательно трудиться. Роман этот изображает несчастную историю гения, не понятого толпой. В первой части, где описывается жизнь коллеги и страдания среди нивелирующей школьной обстановки мальчика, возвышающегося над посредственностью, вероятно, немало черт автобиографического характера; весь же роман переполнен весьма туманными философскими рассуждениями. Бальзак вкладывает в уста своего героя целую оригинальную философскую систему: по мнению Луи Ламбера, человеческая жизнь состоит из двух разнородных движений: действия и противодействия. Действие есть внутренний акт человеческой воли; всякое внешнее выражение этого действия – слово, поступок – есть противодействие. Внутреннее действующее существо не знает ни времени, ни пространства, ставящих преграды внешнему, видимому существу, подчиненному его воле. Мысль есть движение внутреннего существа; идеи суть проявления его жизни, как поступки – проявления внешнего существа. События, «проявляющие» жизнь человечества, имеют свои причины, которыми они были predeterminedены, подобно тому, как наши поступки совершаются в наших мыслях, прежде чем проявиться во внешнем мире. Факты не существуют, после нас останутся только идеи... Рядом с такими идеалистическими положениями мы наталкиваемся в том же романе на чисто материалистическое объяснение психических явлений, например: «Гнев есть электрический ток; удар при разряде его действует на присутствующих, хотя и не относится к ним непосредственно». «Почти всё есть проявление эфирной субстанции, основы электричества. Это великий принцип всех изменений материи». Чтобы создать своего гениального мыслителя с его сбивчивыми теориями, Бальзак много работал, много читал, сильно напрягал ум. Он придавал громадное значение своему произведению.

«„Луи Ламбер“, – писал он сестре, – откроет новые пути для науки. Если бы я сделал из него чисто научное сочинение, оно привлекло бы внимание мыслителей, которые теперь не посмотрят на него. Но если случайно „Луи Ламбер“ попадет им в руки, они, может быть, заговорят о нем! Мне кажется, что „Луи Ламбер“ – прекрасная книга! Наши здешние друзья хвалят ее, а ты знаешь, что они меня не обманывают».

Этими друзьями были г-жа Карро и ее муж. После утомительной работы в Париже романист приехал к ним в их имение Фрапель, недалеко от Ангулема, с неоконченной книгой, страдая сильными головными болями, уверяя, что сходит с ума. Г-жа Карро окружила его чисто материнской заботливостью, устроила ему здоровую обстановку, успокоила его нравственно. Романист отдохнул, не торопясь, закончил своего «Луи Ламбера» и мог бы снова приняться спокойно за работу, если бы не одно обстоятельство, которое на несколько лет нарушило мирное течение его жизни.

С приобретением известности отшельническая жизнь его поневоле должна была измениться. Ему приходилось не только вести знакомство со своими собратьями по профессии и посещать литературные салоны, но и посещать светское общество, в котором он имел успех благодаря живости своего ума, веселости и остроумию. Светские дамы искали знакомства с романистом и осыпали его любезностями в тайной надежде попасть в его роман в роли какой-нибудь «непонятой героини» и «несчастной жертвы». Бальзак беспрестанно получал письма, написанные женским почерком, в которых прославлялись его произведения и его тонкое понимание женского сердца. Осенью 1831 года, живя в Турени у одного из своих приятелей, он получил подобное письмо и сильно заинтересовался им. Анонимный автор (явно женщина) описывала, какое поразительное впечатление производят все его романы, и в то же время делала несколько тонких критических замечаний по поводу «Физиологии брака» и «Шагреновой кожи». Бальзак ответил, остроумно опровергая все критические замечания своей корреспондентки, и между ними началась переписка, продолжавшаяся несколько месяцев, пока Бальзак не потребовал настоятельно, чтобы она сняла маску и открыла свое настоящее имя. Оказалось, что это герцогиня де Кастри, одна из звезд Сен-Жерменского предместья и одна из героинь скандальной хроники Парижа. В то время ей было лет 36. Года за четыре перед тем она имела роман с Виктором Меттернихом, сыном знаменитого министра, и так открыто афишировала свои отношения с ним, что муж принужден был развестись с ней. Красавица, кокетка, остроумная женщина, она собирала в своем аристократическом салоне все

литературные и артистические знаменитости того времени. Бальзак был очень польщен, узнав имя своей анонимной корреспондентки и получив приглашение посещать ее. Он не устоял против чар красавицы и скоро стал одним из ее поклонников. Пренебрегая другими знакомствами, он не пропускал вечеров в салоне герцогини. Она шутливо заметила ему, что он слишком мало заботится о своем туалете, и этого было достаточно, чтобы произвести полный переворот в его внешности. Знакомые едва узнавали его, встречаясь с ним на улице: вместо потертого, безобразно сшитого сюртука и смятой грязноватой рубашки он стал носить голубой фрак с золочеными пуговицами и великолепные белые жилеты, а в руках его появилась трость с дорогим бирюзовым набалдашником. В опере его постоянно видели в ложе рядом с разными светскими денди. Несмотря на то, что долги его еще далеко не были уплачены, он купил себе экипаж и пару лошадей, нанял двух слуг, меблировал заново свою квартиру и превратил ее в настоящий музей разных произведений искусства и мелких украшений.

Салон герцогини оказал и в другом отношении влияние на Бальзака: он значительно изменил его политические убеждения. В этом салоне собирались сливки аристократии, сторонники старшей линии Бурбонов, противники буржуазной монархии. Им было выгодно привлечь на свою сторону модного, талантливого писателя, и они не жалели для этого любезностей и лести. Не прошло и года, как Бальзак стал искренним сторонником легитимистской оппозиции, заговорил об уважении к духовенству, о необходимости сильной власти. Осенью 1832 года герцогиня отправилась в Экс на воды, и Бальзак последовал за ней туда же. Вот что он писал по этому поводу г-же Карро.

«Я очень жалею, что выбор пал не на Пиренеи, тогда я мог бы заехать к вам; а теперь мне придется лазать по Савойским горам в Эксе. Я бегу за женщиной, которая, может быть, смеется надо мной, за одной из тех аристократок, которых вы ненавидите, за ангелом красоты, за женщиной, которой, на основании ее наружности, приписывают прекрасную душу, за истинной герцогиней, презрительной, любящей, изящной, остроумной, кокетливой, ничего подобного которой я не видал в жизни. Это один из феноменов, исчезающих с лица земли, женщина, которая говорит, что меня любит, что хочет поселить меня в глубине Венецианского дворца (вам я все могу сказать), которая хочет, чтобы я писал для нее одной; женщина, которую надобно обожать, стоя на коленях, если она позволит, и которую так приятно победить! Женщина мечты, ревнивая до последней степени! Ах, лучше бы мне было сидеть в Ангулеме, на пороховом заводе тихо,

мирно, слушать шум мельниц, лакомиться трюфелями, учиться у вас загонять шар в лузу и смеяться, и болтать, чем здесь терять время и губить жизнь».

В Эксе герцогиня приготовила Бальзаку комнату рядом со своим помещением и продолжала выказывать ему самое лестное внимание. Бальзак был совершенно очарован, но все-таки не мог отдавать красавице все свое время. У него было начато несколько работ, продолжения которых требовали издатели; «Revue de Paris» и «Revue des Deux Mondes», в которых он в то время сотрудничал, напоминали ему об обещанных статьях. Чтобы не нарушить своих обязательств, он вставал каждый день в 5 часов утра и работал до половины шестого вечера, отрываясь от занятий только для легкого завтрака. В 6 часов он, тщательно принарядившись, отправлялся в комнаты герцогини. Они вместе обедали, вместе совершали экскурсии по окрестностям и проводили вместе все вечера. Бальзак читал герцогине то, что писал утром, и она с восхищением слушала его. Кроме набрасывания мелких статей, он работал в это время над двумя вещами совершенно противоположного характера: он начал своего «Деревенского доктора» («Le Médecin de Campagne») – книгу, которую стремился сделать в высшей степени нравственной, «достойной Монтеневской премии», как сам говорил, и писал второй десяток своих «Contes Drolatiques» (смешных сказок) – малоудачного подражания Боккаччо на старом французском языке. Герцогиня от души смеялась над этими сказками, не смущаясь пикантными сценами и довольно циничными описаниями, наполняющими их. Ограничилось ли все между аристократкой и романистом одними приятными разговорами и взаимными любезностями или дело зашло дальше, сказать труд но. Г-жа Карро не верила в платонизм их отношений и прямо обвиняла своего друга в том, что он ради милостей герцогини перешел в лагерь легитимистов, но Бальзак с негодованием отвергал это обвинение. Впоследствии он часто жаловался, что герцогиня не поняла его чувств, а она говорила о нем с некоторой досадой, как бы обвиняя и его в недогадливости.

Зиму герцогиня намеревалась провести в Италии вместе с семьей своего родственника, герцога Фиц-Джемса, известного легитимиста, сторонника герцогини Беррийской. Герцог отнесся к Бальзаку очень любезно и предложил ему ехать с ними. Путешествие по Италии было давнишней мечтой романиста, он с радостью согласился и писал по этому поводу восторженные письма матери, сестре и г-же Карро. Решено было посетить Женеву, Геную, Неаполь и Рим. Но Бальзак доехал с аристократической компанией только до Женевы и оттуда, под предлогом

неотложных литературных дел, вернулся прямым путем в Париж. Никакой явной ссоры между герцогиней и ее обожателем не произошло, но, вероятно, что-нибудь в ее обращении задело его самолюбие. По возвращении ее в Париж он снова стал частым посетителем ее отеля, хотя уже в 1834 году нарисовал явно нелестный портрет ее во второй части своей «Histoire des Treizes» («История тринадцати»), озаглавленной «Duchesse de Langeais». Г-жа де Кастри не узнала или не захотела узнать себя в этом портрете и осыпала похвалами рассказ, который Бальзак нарочно прочел ей в рукописи.

Несколько лет спустя, вспоминая о своих отношениях с герцогиней, Бальзак говорит в одном из своих писем:

«Я страдал пять лет от ран, прежде чем моя нежная душа отвязалась от другой железной натуры; это была прелестная женщина, герцогиня, приблизившаяся ко мне под маской инкогнито, которую она, впрочем, сняла по первому моему требованию. Наша связь, которая, – что бы ни говорили, – осталась по воле этой женщины вполне безупречной, была одной из великих горестей моей жизни; тайные страдания моего теперешнего положения происходят от того, что я ради малейшего ее желания всем ей жертвовал, а она никогда ни о чем не догадывалась... Вы мне говорите о сокровищах. Увы! Знаете ли вы все сокровища, которые я растратил, гоняясь за безумными надеждами! Я один только знаю, как много ужасного лежит в основе „Duchesse de Langeais“.»

Глава V

Первая идея «Человеческой комедии». – Отношение к действующим лицам романов. – Палач Самсон. – Имена. – «Серафима». – Способ писания. – Жалобы редакторов. – Процесс. – Отношение к прессе и к критике. – Новое банкротство.

«Поздравьте меня! Я положительно становлюсь гением!» – заявил однажды Бальзак, вбегая в квартиру сестры, которая после 1833 года жила в Париже. И он взволнованным голосом, прерывая самого себя, принялся излагать блестящую идею, только что пришедшую ему в голову. Все романы и отдельные рассказы, которые он писал до сих пор, должны составить одно грандиозное целое, всесторонне изображающее жизнь современного общества. «Всё это камни, камни большого здания, оно уже сидит у меня в мозгу, и я не успокоюсь, пока не доведу его до конца! – говорил он, прохаживаясь большими шагами по комнате с лицом, сияющим радостью. – Как это будет замечательно хорошо! Теперь пусть меня называют „сочинителем повестушек“, мне все равно, я буду спокойно обтесывать свои камни, и как удивятся мои близорукие критики, когда увидят, какое величественное здание выйдет из этих камней!»

Задавшись целью связать таким образом в одно целое все свои произведения, Бальзак стал создавать им и внешнюю связь. Он несколько переделал свои первые романы и переименовал действующих в них лиц с тем, чтобы следующие являлись как бы продолжением их истории. Таким образом, для него сделалось возможным охватывать более продолжительные периоды жизни создаваемых им личностей, а судьба этих личностей часто занимала его едва ли не больше, чем судьба живых людей. Один из его приятелей, известный Жюль Сандо, рассказывает, что один раз он говорил с ним о своей сестре, которую оставил на родине больною. Бальзак сочувственно слушал его несколько минут, а затем сказал: «Отлично, друг мой, но вернемся к действительности, поговорим об Эжени Гранде».

О героях своих романов он обыкновенно толковал как о близких знакомых: «Такой-то – заведомый негодяй, он никогда не может сделать ничего порядочного!» – «Такой-то – добросовестный работник и добрый малый, у него чудесный характер, он, наверно, разбогатеет и составит себе счастье!» – «Такие-то имеют на душе немало грешков, но они очень умны, хорошо знают людей, они дойдут до высокого положения в обществе!» Ему

возражали, что он слишком снисходителен к своим героям, что их «грешки» – самые подлые мерзости. «Ну, что делать! – отвечал он. – Добродетельные люди редко умеют пробиться в жизни; я не виноват, я не сочиняю человеческую природу, я наблюдаю ее в настоящем и в прошедшем и стараюсь изобразить ее такой, как она есть».

Чтобы расширить круг этих наблюдений, Бальзак заводил самые разнообразные знакомства. Так, он упросил директора тюрьмы, знавшего знаменитого Самсона, палача Людовика XVI, познакомиться с этой личностью. Директор исполнил его желание, и, придя к нему один раз, Бальзак застал у него пожилого человека с благородным и печальным лицом. По костюму, по разговору и манерам его можно было принять за какого-нибудь ученого. Этот человек оказался Самсоном. Бальзак разговаривал с ним, сумел вызвать его доверие, и Самсон рассказал ему, что чувствует себя страшно несчастным. Он – роялист и после казни Людовика XVI не перестает мучиться раскаянием. На другой день после этой казни он заказал обедню за упокой души короля, вероятно, единственную, которая была в этот день отслужена в Париже. Рассказ «Un épisode sous la Terreur» ^[5] записан Бальзаком со слов палача. Другой рассказ, «Une passion dans le désert» («Страсть в пустыне») внушен ему знакомством с укротителем зверей Мартином, с которым он разговаривал после одного из его представлений в цирке.

Если действие его романа должно было происходить в каком-нибудь незнакомом ему уголке Франции, он непременно старался съездить туда и подробно изучить местность. Благодаря этому он объездил чуть не всю Францию.

Бальзак жил в фантастическом мире своих вымыслов, как в реальном. Он рассказывал разные происшествия из своих романов, словно они случились в действительности: «Знаете, на ком женится Феликс Ванденес? – спрашивал он у приятелей. – На одной из Гранлье. Это очень хорошая партия. Гранлье богаты, хотя г-жа Бельфель страшно дорого стоила этой семье!» Он долго придумывал, за кого бы выдать Камиллу Гранлье, и не соглашался взять ни одного из тех женихов, которых предлагала ему сестра его. «Нельзя, – говорил он, – это люди из другого общества: чтобы ей выйти за одного из них, нужна какая-нибудь случайность, а мы, писатели, не можем злоупотреблять случайностью». После долгих колебаний он объявил сестре, что выдает Камиллу за молодого графа Ресто, и ради этого совершенно переделал весь рассказ «Гобсек». Предпринимая какое-нибудь путешествие по Франции, он часто говорил: «Я еду в Алансон, где живет г-жа Кормон» или: «Я буду в Гренобле, где живет Бенасси». Бальзак

придавал большое значение именам своих действующих лиц и находил, что между именем и человеком всегда есть известное соотношение, что для действующих лиц романов непременно надобно брать имена настоящих людей, что только они придают жизненную правду личности. Он радовался, как ребенок, когда ему удавалось встретить где-нибудь имя, подходящее к тому типу, который он создавал в данное время: «Матифа! Кардо! Какие прелестные имена», – восхищался он. «Я нашел своего Матифа на улице Перль. Он мне представляется как живой! У него будет бледное кошачье лицо, и толстенькая фигурка; Матифа не может иметь ничего величественного, само собой разумеется. Кардо, напротив, будет маленький, сухенький человечек, живой, веселый». Леон Гозлан, один из близких друзей Бальзака, рассказывал, что раз романист вызвал его к себе письмом «по очень важному делу». Он нашел Бальзака сильно озабоченным. Романист по обыкновению подробно рассказал ему план своего нового произведения и обрисовал характер героя. Это должен был быть человек гениальный, но в высшей степени непрактичный, которого постоянно эксплуатируют разные проходимцы, который способствует обогащению других, а сам умирает на чердаке в нищете и горе. Образ этого человека ярко рисовался Бальзаку. «Ему не хватает только одного – имени. Помогите мне найти это имя! – просил он приятеля. – Но вы понимаете, имя должно подходить к нему вполне, как десна к зубу, как ноготь к пальцу; оно должно соответствовать его росту, фигуре, голосу, его прошедшему и настоящему, его несчастьям и его славе». Гозлан предложил помочь ему сочинить имя, но от этого Бальзак наотрез отказался. По его мнению, имя так же нельзя сочинить, как нельзя сочинить язык. Тогда приятели решили ходить по улицам и читать все вывески на домах в надежде, что они дадут им искомое. Несколько улиц прошли они совершенно напрасно: имен на вывесках было множество, но ни одно из них не соответствовало идее Бальзака. Гозлан устал, потерял всякое терпенье и собирался бросить неугомонного романиста, когда тот вдруг вздрогнул, схватил его за руку и закричал:

– Вот оно! Читайте, читайте!

Гозлан прочел над узенькой дверью в стене слово «Марка».

– Марка, Марка, – повторял Бальзак в восторге, – больше мне ничего не нужно; моего героя будут звать Марка! В этом слове слышится и философ, и писатель, и непризнанный поэт, и великий политик, – все! Я только прибавлю к его имени Z., это придаст ему огонек, искру!

Оказалось, что обладатель имени, так восхитившего Бальзака, был просто скромный портной. Это несколько огорчило романиста.

– Бедняга! – вскричал романист, – он заслуживает лучшей доли! Впрочем, не беда: я дам ему бессмертие! Это уж мое дело!

В предисловии к рассказу, носящему заглавие «Z. Marcas», Бальзак поместил целое рассуждение об этом имени.

«Марка! – говорит он. – Повторите это имя, состоящее всего из двух слогов, не находите ли вы в нем таинственного значения? Не кажется ли вам, что человек, носящий его, должен быть мучеником? Между фактами жизни и именами людей существует необъяснимое соотношение или, наоборот, очевидное противоречие, вызывающее удивление. В нашем мире нет пустоты, все связано между собой. Рассмотрите хорошенько это имя: Z. Marcas. Вся жизнь человека заключается в фантастическом соединении этих семи букв. 7! Самое знаменательное из каббалистических чисел! Этот человек умер 35 лет, его жизнь состояла из 7 пятилетий! Марка! Не напоминает ли вам этот звук падения чего-то дорогого, что разбивается с шумом или без шума?..»

Воображение нередко уносило Бальзака за пределы реального мира, в область каких-то полумистических, полужантасических измышлений. Мать его увлекалась сочинениями разных философов-мистиков, вроде Сен-Мартена, Сведенборга. У нее была целая коллекция их сочинений, и Бальзак читал их с захватывающим интересом. От матери же заразился он поклонением магнетизму и сомнамбулизму, бывшим в то время в большой моде. Г-жа Бальзак была знакома со всеми известными магнетизерами и постоянно рассказывала сыну о тех чудесах, свидетельницей которых была. Бальзак и сам охотно лечился магнетизмом, присутствовал на сеансах разных сомнамбул, и непонятные явления, происходившие на этих сеансах, приобретали в его пылком воображении гигантские размеры, мировое значение. Под влиянием этого увлечения он написал свой роман «Серафима», изданный им вместе с романом «Луи Ламбер» под общим заглавием «Мистическая книга», – произведение, в котором, как и в «Луи Ламбере», рядом с мистическими рассуждениями попадаются чисто материалистические объяснения всего, что происходит в духовном мире.

Бальзак очень редко работал над каким-нибудь одним романом. По большей части в голове его зарождались одновременно планы двух, трех, даже четырех произведений. Многие из этих произведений так и остались в виде идеи, никогда не увидев света. Обыкновенно всякий новый план, пришедший ему в голову, приводил его в восторг; он спешил поделиться им с сестрой, с друзьями, с приятельницами, уверяя, что начинает писать замечательное произведение, которое превзойдет все предыдущие и будет перлом французской литературы. Затем он начинал писать; с лихорадочной

быстротой набрасывал в общих чертах первые главы и бежал с ними к издателям журналов, в которых считался сотрудником. Он отдавал им написанные страницы, рассказывал на словах содержание всего романа, обещал в самом скором времени дать продолжение его и непременно требовал денег вперед.

Нужда в деньгах преследовала его постоянно. Старые долги его еще не были уплачены, а ему приходилось делать новые, чтобы вести тот образ жизни, который вызывался его стремлением войти в аристократический круг герцогини Кастри. Единственным источником дохода была для него литературная деятельность. И он писал, писал без усталости и в Париже, и во время своих поездок к друзьям в разных частях Франции. Нельзя не удивляться той интенсивности, с какой работал его мозг, создавая всё новые образы, новые комбинации отношений, то выхваченных из действительной жизни, то фантастических до невероятности. Редакторы упрекали его в неаккуратности, когда он, несмотря на десять обещаний, не приносил им продолжения начатого романа, а он, несмотря на все усилия, не мог сосредоточиться на старой идее, не мог удержаться от увлечения какой-нибудь новой. Просматривая историю его сочинений, мы сплошь да рядом видим между первыми и последними главами его романов промежутки в один, в два года, и этот промежуток обыкновенно заполнен другими романами, рассказами, статьями.

Редакции журналов никак не могли примириться с такой беспорядочностью романиста, и он беспрестанно ссорился с ними. Масса упреков сыпалась на его голову, его обвиняли в нарушении обещаний, в недобросовестности, чуть ли не в мошенничестве. Такого рода обвинения раздались публично в зале суда, когда Бальзак начал дело против журнала «Revue de Paris», в котором сотрудничал последние годы, за то, что журнал этот без его ведома послал в один петербургский журнал корректурные листы первой части его романа «Le lys dans la vallée»; таким образом эта первая часть появилась в России раньше, чем во Франции, и притом появилась в неотделанном виде, без тех поправок, которые автор всегда делал в корректуре. Защитником редакции явился талантливый, красноречивый адвокат Ше д'Эст-Анж, речь которого можно назвать жестоким памфлетом против Бальзака и как романиста, и как человека. В этой речи вся история сотрудничества Бальзака с «Revue de Paris» является длинным рядом неисполненных обещаний и недобросовестных поступков. В мае 1834 года, когда редакция журнала перешла в новые руки (со старой редакцией он был в ссоре), Бальзак предложил ей свое сотрудничество, принес первую часть романа «Серафима», взял 1700 фр. и обещал

немедленно доставить продолжение; вторую часть «Серафимы» он представил в конце июля, а в ноябре, вместо ожидаемого окончания этого романа, дал редакции «Le père Goriot» («Отец Горио»), за который взял 3500 фр. В марте 1835 года он запродавал журналу за 1000 фр. «Les teméïres d'une jeune Mariée» («Записки новобрачной»), которые обещал доставить через месяц и которые редакция совсем не получила. В июле того же года Бальзак предложил редакции «Le lys dans la vallée» («Лилия в долине»), – роман, который, по его словам, был совершенно окончен. Редакция согласилась принять его и уплатила автору 2000 фр., но требовала от него окончания «Серафимы». Через некоторое время Бальзак пришел рано утром, разбудил редактора и сообщил ему, что наконец справился с «Серафимой»: он открыл путь на небо, обсерватория будет крайне удивлена, он объяснит вознесение Богородицы. В половине августа он прислал в редакцию начало и конец последней части, а середины ее все не было: вознесение Богородицы оставалось необъясненным. В течение двух месяцев редакция неотступно требовала у автора этой несчастной середины, а он назначал всё новые сроки доставки ее. Наконец 18 ноября Бальзак объявил, что роман вполне готов и что в номере от 22 ноября может быть напечатано его окончание. Но через два дня он принужден был признаться редакции, что не может написать этого конца. Тогда редакция согласилась печатать «Le lys dans la vallée», с тем чтобы этот роман шел уже без перерывов и чтобы взамен конца «Серафимы» автор дал в журнал какой-нибудь свой рассказ. Первые две части «Le lys...» были напечатаны 22 и 29 ноября, а третью автор прислал только в конце декабря вместе с заявлением, что не желает более сотрудничать в «Revue de Paris», так как, во-первых, редакция недостаточно ценит его талант и так как, во-вторых, она послала начало «Le lys...» в Петербург. Эти обвинения были, очевидно, одним пустым предлогом: Бальзак много раз поступал и с другими редакторами точно так же, как с «Revue de Paris». При прежней редакции «Revue de Paris» он дал начало своей «Histoire des Treizes» («История тринадцати»), а продолжение поместил в другом журнале, потому что редактор «Revue» не согласился увеличить его гонорар, как он того требовал. Начало «Евгении Гранде» напечатано в «Europe littéraire», и автор взял за роман вперед 1200 фр., но затем отказался давать продолжение, пока ему не заплатят 2000 фр. «Вот обычный образ действия г-на де Бальзака, – заключил оратор. – Отказываясь от сотрудничества в „Revue de Paris“, он имел в виду не отстаиванье своего личного достоинства, а просто спекуляцию, аукционную продажу своих произведений. Я не хотел прибегать к оскорбительным выражениям, я не хотел, чтобы знаменитый

писатель вышел из этой залы с запятым челом, но пусть не упрекает нас в недобросовестности и нарушении доверия тот, кто, продав и дорого продав в одном месте свои произведения, перепродает их в другом под новым заглавием. Нечего вам кричать о низком барышничестве, нечего свысока относиться к презренному металлу, когда вы не брезгуете никакими средствами для его приобретения; нечего говорить о нарушенном слове и неисполненных обещаниях, когда я напомнил вам, сколько слов вы нарушили, сколько обещаний не исполнили!»

Суд решил дело в пользу Бальзака, но процесс этот нанес ему громадный вред. Враги и завистники его воспользовались разоблачениями противной стороны, что бы очернить его репутацию. «Revue de Paris», один из влиятельных журналов того времени, превратился во враждебный ему орган, многие издатели журналов отказывались иметь с ним дела, кроме того, он поссорился с несколькими видными представителями прессы. Начиная свой процесс против «Revue», он считал, что защищает не только свой личный интерес, но и интерес всей пишущей братии, всех сотрудников журналов, эксплуатируемых редакторами. И что же? В числе оправдательных документов редакция представила на суд свидетельство, подписанное несколькими выдающимися литературными именами и доказывающее, что отсылка корректурных листов французских сочинений в Россию – вещь обычная, не нарушающая ровно ничьих интересов. Бальзак был вне себя от гнева. Много времени спустя он делил всех литераторов на *подписавших* и *неподписавших* и преследовал первых самыми едкими сарказмами.

Бальзак высказывал свое невысокое мнение о представителях печати не только в разговорах, но и в некоторых своих произведениях. В романе «*Illusions perdues*» («Погибшие мечты») он дал самую неприглядную картину закулисной стороны журнального дела, – картину, в которой немало шаржа, но которая задевала за живое издательский и редакторский персонал. В своей «*Monographie de la presse*» («Монография печати») он перебирает по очереди всех сотрудников газеты – «передовика», репортера, фельетониста, популяризатора научных сведений – и не без остроумия доказывает, какое растлевающее влияние на ум и сердце оказывает работа по каждой из этих специальностей. Журнальная критика, конечно, не оставалась в долгу у романиста, и в то время как публика нарасхват покупала его сочинения, как имя его, помещенное в объявлении о выходе журнала, сразу увеличивало число подписчиков, его преследовал целый град насмешек, придирчивых замечаний, обвинений, направленных не только против его произведений, но и против его личности. Иногда он

падал духом или злился, читая эти едкие статьи, но чаще относился к ним совершенно спокойно. «Смотрите-ка, – говорил он, показывая друзьям какую-нибудь критическую статью, направленную против него, – как эти господа беснуются! Ничего, стреляйте, мои дорогие враги, у меня крепкая броня! Благодаря вам моим издателям не надобно тратиться на рекламы! Ваши похвалы усыпили бы публику, ваша брань будит ее! Как они стараются! Если бы я был богат, можно бы подумать, что я их подкупаю; а впрочем, тише, не надобно об этом говорить, они, пожалуй, замолчат, узнав, какую выгоду приносит мне их крик». «Чего вы огорчаетесь? – утешал он своих родных, принимавших близко к сердцу нападки на него. – Разве критика может сделать мои произведения лучше или хуже? Пусть действует время, этот великий судья; если эти люди ошибаются, публика со временем заметит их ошибку, и несправедливость окажется, как всегда, выгодной тому, кто от нее страдает; кроме того, эти гверильяросы искусства иногда попадают метко, и, исправляя указанные ими ошибки, я совершенствую свои произведения. В конце концов я должен быть им благодарен!»

Денежные дела романиста также сильно пострадали в результате этого процесса. Рассорившись с «Revue de Paris» и с несколькими другими большими журналами, он должен был издавать свои романы отдельными книгами, а это было для него очень неудобно, так как он привык брать из журналов деньги вперед под только что начатые произведения. Кроме того, у него выходили постоянные ссоры из-за денежных расчетов со всеми издателями его сочинений. Только один из них, Верде, оставался до конца дружен с ним, но, как нарочно, именно в это время его дела запутались, и он не только сам принужден был прекратить все платежи, но и Бальзака запутал в свое банкротство. Снова пришлось романисту прятаться от кредиторов, снова пришлось ему узнать почти нищету. Он оставил свою изящно убранную квартиру на улице Кассини и перебрался на улицу Батайль, в мансарду, которую раньше занимал Жюль Сандо.

«Не без сожаления покинул я улицу Кассини, – пишет он одной из своих корреспонденток, – не знаю, удастся ли мне уберечь от кредиторов часть мебели и библиотеку. Я решился на время отказаться от всякого комфорта, чтобы только иметь удовольствие сохранить их. Они не могли бы удовлетворить жадность моих кредиторов, а могут утолить мою жажду среди той песчаной пустыни, куда я нынче вступаю. Двух лет работы достаточно, чтобы покрыть долг, но я не знаю, вынесу ли я два года такой жизни. Чтобы вы знали, как я мужественно борюсь, скажу вам, что „Le secret des Ruggieri“ („Тайна Руджери“) написан мною в одну ночь;

подумайте об этом, читая его. „La vieille Fille“ („Старая дева“) написана в три ночи; „La Perle brisée“ („Разбитая жемчужина“), служащая окончанием „L'Enfant Maudit“ („Проклятый сын“), – в несколько часов нравственной и физической пытки. Это мои Бриено, Шампобер, Монмирайль, это моя французская кампания! Что меня убивает, так это корректуры... Надобно превзойти самого себя, чтобы победить равнодушие покупателя, и надо превзойти себя среди долговых взысканий, деловых огорчений, самых жестоких денежных затруднений...»

Впрочем, уныние ненадолго овладевало Бальзаком. Через несколько недель после этого печального письма он пишет сестре:

«Я устроил выгодную сделку с „Эстафетой“, и другие большие журналы, наверно, также вернутся ко мне, я им нужен. Кроме того, разве кто-нибудь отнял у меня мои мозговые поля, мои литературные виноградники, мои интеллектуальные леса? Потом, я ведь могу вести дела прямо с книгопродавцами: они еще не понимают своей настоящей выгоды и предпочитают сочинения, не появлявшиеся в журналах; я их не разубеждаю, хотя несомненно, что при издании уже печатавшегося произведения они выгадывают на объявлениях и что чем вещь известнее, тем она лучше продается. Не огорчайтесь же, опасности пока нет. Я, правда, устал, даже болен, но я принял приглашение г-на М. и проведу месяца два в Саше; там я отдохну и полечусь. Я попытаюсь написать что-нибудь для театра, а вместе с тем закончу „Le règne Goriot“ и переправлю „Le Recherche de l'Absolu“. Я думаю написать „Marie Touchet“, это будет славная пьеса, в которой я выведу во весь рост несколько удивительных характеров. Я решил побольше спать, не беспокойся насчет моей боли в боку. Послушай, надобно быть справедливым, если неприятности порождают болезнь печени, то я имею на нее полное право! Но постойте, г-жа Смерть! Если вы явитесь, то явитесь только для того, чтобы помочь мне нести мою ношу, я еще не кончил своей задачи! Итак, не беспокойся! Если Бог продлит мою жизнь, я добьюсь хорошего положения, и мы все будем счастливы! Давай же смеяться, дорогая сестра, фирма Бальзака восторжествует! Кричи это погромче вместе со мною, чтобы Фортуна услышала нас, и, ради Бога, не тревожься!»

Глава VI

Собственные журналы. – Мечты. – Бумага из нового материала. – Поездка в Сардинию. – Кольцо Великого Могола. – Корректуры и переделки.

Несмотря на видимое спокойствие, постоянная борьба с редакторами и журналистами очень волновала Бальзака, и он мечтал о том, чтобы стать совершенно независимым от них. Для этой цели ему казалось всего лучше основать свой собственный журнал. Тогда он имел бы, как сам выражался, кафедру, с высоты которой он мог бы каждый день или хоть раз в неделю свободно высказывать свои мнения о всех политических, общественных и литературных злобах дня. В начале 30-х годов, обремененный долгами, часто сидевший впроголодь и принужденный работать, как вол, он строил планы о создании журнала, который бы сразу убил и «Revue des Deux Mondes» и «Revue de Paris». Он в блестящих речах развивал эти планы перед своими молодыми друзьями, и некоторые из них с полной готовностью обещали ему свое сотрудничество. Имена этих писателей (Шарль Бернар, Жюль Сандо, Теофиль Готье, Леон Гозлан) ручались за успех издания, не хватало одного – денег для начала дела. Бальзак обращался к разным капиталистам, объяснял им все свои шансы на успех, они выслушивали его сочувственно и обещали «подумать». Недели и месяцы проходили, а дело ни на шаг не подвигалось вперед. Отчаянье овладело будущим редактором! Вдруг в одно прекрасное утро к нему явился изящно одетый молодой человек и стал проситься в число сотрудников журнала. Бальзак сразу сообразил, что имеет дело не с бедняком: действительно, молодой человек оказался сыном богатого банкира, скромно заявил, что в будущем надеется располагать состоянием в 22 млн. франков, что он очень любит литературу и желал бы в новом журнале руководить отделом мод. Бальзак пришел в восторг. Он не сомневался, что молодой человек даст необходимые средства для открытия журнала, и в мечтах уже видел себя издателем органа, который уничтожит все существующие «Revue». Он самым любезным образом обещал молодому человеку принять его в состав редакции и, как только тот ушел, созвал всех своих будущих сотрудников, чтобы поделиться с ними своей радостью. Молодые люди вполне увлеклись его надеждой, и на общем совете решено было в ознаменование открытия журнала устроить роскошный обед, на котором за бокалами шампанского разузнать у

банкирского сына, сколько именно сотен тысяч франков он намерен пожертвовать на общее дело. Но беда была в том, что у молодых писателей, богатых идеями и талантом, не хватало денег на устройство обеда. Бальзак и тут нашелся: он знал, что один из присутствовавших заложил серебро своей матери в ссудной кассе, и составил такой план: занять на один день 800 франков, выкупить серебро, украсить им столовую, пригласить хорошего ресторатора и заказать ему обед: увидев великолепный серебряный сервиз, ни один ресторатор не откажет в кредите. Задумано – сделано. В назначенный день столовая Бальзака блестела серебром, вокруг стола, уставленного тонкими блюдами, сидела группа молодых, одушевленных надеждой писателей, а среди них розовый, нарядный, несколько смущенный банкирский сынок. В конце обеда, когда бутылки были до половины пусты, Бальзак произнес яркую речь, в которой нарисовал светлое будущее нового журнала и ту почетную роль, какую будет играть его великодушный покровитель, а в заключение попросил этого великодушного покровителя точно определить, что именно он намерен сделать для журнала.

– Я поговорю о вашем деле с папенькой! – был неожиданный ответ молодого человека.

Бальзак побледнел, все присутствовавшие остолбенели. Дурачок провел их, талантливых людей, и даром съел дорогой обед! Пришлось отнести серебро в кассу, остаться с новым долгом на шее и опять отложить открытие журнала.

Впрочем, несколько месяцев спустя Бальзаку удалось осуществить свою мечту, и новый журнал – «Chronique de Paris» – увидел свет. Мать ссудила его деньгами, необходимыми на первые расходы по изданию. Несмотря на имена сотрудников, журнал не имел успеха. Сам Бальзак помещал в нем только небольшие статьи и не мог отдавать ему своих крупных произведений: ему постоянно нужно было как можно скорей получать деньги за каждую написанную строку, а писать в своем журнале значило затрачивать труд, ожидая платы за него через несколько лет. Журнал просуществовал два-три года и погиб из-за недостатка денежных средств.

Несколько лет спустя Бальзак затеял новый ежемесячный журнал «Revue Parisienne». Он вел его почти совсем один, без постоянных сотрудников, и посвящал ему массу времени и труда. Этот журнал существовал всего три месяца. Бальзак поместил в нем два своих романа и несколько критических статей, но скоро убедился, что не в силах продолжать его. Журнальная работа приковывала его к Парижу, требовала

усиленных занятий по строго определенной программе и притом давала слишком незначительное вознаграждение. Все это скоро надоело ему, и он отказался от ведения журнала.

Отличительную черту характера Бальзака составляла изменчивость его настроения, его способность от уныния быстро переходить к веселости и от всех житейских невзгод находить утешение в мире несбыточных мечтаний; это придавало ему что-то ребячески-наивное и подкупало окружающих в его пользу.

«Брат часто приходил ко мне читать свои корректуры, – рассказывает г-жа Сюрвиль. – Иногда, вследствие дурной погоды, которая сильно влияла на него, денежных затруднений, усталости от работы или от бессонных ночей, он являлся еле передвигая ноги, мрачный, подавленный, желтый. Я старалась развлечь его, но он падал в кресло и говорил слабым голосом: „Не утешай меня, это напрасно, я мертвый человек!“ Этот мертвец начинал слабым голосом рассказ о своих новых неудачах, но мало-помалу оживлялся, и скоро голос его доходил до самых высоких нот; затем, развертывая корректуры, он снова принимал умирающий вид и объявлял: „Я иду ко дну, сестра!“ – „Полно, разве можно идти ко дну с теми произведениями, которые ты теперь редактируешь!“ – Он поднимал голову; лицо его прояснялось, мертвенный цвет понемногу исчезал: „Ты права, ей Богу! Такие книги дают жизнь! К тому же отчего не рассчитывать на слепой случай: он может помочь Бальзаку, так же как первому встречному дураку! И знаешь, такой случай совсем нетрудно представить себе. Один из моих друзей-миллионеров (у меня такие есть) или просто какой-нибудь банкир, не знающий, что делать со своими деньгами, может прийти ко мне и сказать: „Я знаю ваш громадный талант и ваши неприятности; вам нужна такая-то сумма, чтобы быть свободным, возьмите ее у меня без всякого опасения, вы расплатитесь со временем, ваше перо стоит моих миллионов“. Вот ведь этого и довольно, больше мне ничего не нужно!“ Сочинив эту сказку, он придумывал всевозможные основания, чтобы придать ей вероятность. „Эти люди тратят так много на свои прихоти! Доброе дело может также явиться прихотью, которая доставляет продолжительное удовольствие. Ведь это не шутка сказать самому себе: „Я спас Бальзака!“ У людей иногда являются такие благородные порывы, и не одни только англичане способны на подобные эксцентричности. Если бы я был миллионером или банкиром, я непременно сделал бы это!“ Поверив своей собственной сказке, он весело ходил по комнате, размахивая руками. „А, Бальзак свободен! Вы увидите теперь, мои милые друзья и мои милые враги, как он пойдет вперед! Во-первых, его выбирают в Академию; оттуда

в палату пэров один шаг. Почему ему не сделаться пэром? Ведь такой-то и такой-то сделали же! Из пэров он делается министром, что же тут необыкновенного? Мы имеем немало прецедентов этому! Разве не правда, что именно те люди, которые в мыслях переработали весь круг идей, всего способнее управлять людьми. Странно будет, если станут удивляться, что он получил портфель!“ Будущий министр развивал целую программу управления Францией; он открывал и уничтожал массу зло употреблений, проводил в жизнь массу прекрасных идей. Потом, приведя в порядок все дела в министерстве и во всем королевстве, он возвращался к тому банкиру или другу, который был виновником его возвышения; оказывалось, что и тот же совершенно счастлив: „Его ждет слава в будущем: наши потомки скажут: „Этот человек понял Бальзака, он поверил в его талант, он ссудил его деньгами под обеспечение этого таланта, он доставил ему вполне заслуженное высокое положение!“ Это будет его славой, – славой, которая не всякому достается в удел. Это лучше, чем сжечь храм, чтобы оставить потомству свое имя!“ После длинной экскурсии в этот мир золотых грез он возвращался к действительности: мечты развлекли и утешили его. Он исправлял свои корректуры, с одушевлением читал нам их и уходил, смеясь сам над собою. „Прощайте! Побегу домой посмотреть, не ждет ли меня мой богач, – говорил он со своим громким, добродушным хохотом. – Если его нет, я во всяком случае найду там работу, это мой неизменный банкир!“»

Постоянная нужда в деньгах, постоянные неприятности со стороны кредиторов, необходимость входить в разные сделки с издателями и работать с лихорадочной поспешностью, без отдыха, на срок, – все это мучило Бальзака и заставляло его постоянно изобретать какие-нибудь средства для быстрого обогащения. Средства эти были по большей части совершенно фантастические, но он вполне верил своим фантазиям, носился с ними, утешался ими, а когда одна из них оказывалась неосуществимой, быстро заменял ее другой. Одно время он всем и каждому толковал, что изобрел новый способ приготовления бумаги и подробно высчитывал, какие получит от этого барыши. Произведенные опыты оказались полностью неудачными, и друзья боялись, что это сильно огорчит его. Не тут-то было!

– Э, что бумага, пустяки! – вскричал Бальзак в ответ на выражение их соболезнования, – у меня в виду гораздо лучшее дело: я уезжаю в Сардинию!

Оказалось, что у него уже готов новый, не менее фантастический план: ему случайно вспомнилось, что у Тацита говорится о римских серебряных

рудниках на острове Сардиния; он слышал, что один химик, знакомый его зятю, изобрел новый недорогой способ добывания металлов из шлаков, и вот он решил взяться за эксплуатацию старых римских рудников в полной уверенности, что это сделает его миллионером. Прежде всего надобно было лично осмотреть местность. Он занял несколько сот франков и отправился в путь.

«Я провел четыре дня и пять ночей на имперьяле дилижанса, – пишет он матери с дороги. – Руки у меня до того опухли, что я с трудом могу писать. Завтра, в среду, я буду в Тулоне, в четверг выеду в Аяччо; в пятницу приеду туда и в одну неделю окончу всю свою экспедицию».

По обыкновению мечты и расчеты романиста не осуществились на деле. Правильного сообщения между островами в то время не существовало, погода стояла бурная, и ему пришлось прожить на Корсике больше недели, ожидая переправы на Сардинию. Путешествие по Сардинии тоже не представляло никаких удобств. Бальзаку пришлось пробираться верхом среди дикой, частью пустынной, частью плохо обработанной местности в тот округ, где в древности находились серебряные рудники. Приключения, случившиеся с ним в пути, послужили для него канвою многих рассказов, которыми он приводил в изумление своих парижских слушателей и в которых никто, даже сам рассказчик не мог бы отличить истины от вымысла. Мужественно преодолев все затруднения и опасности, он вернулся в Париж с образцами шлаков. Образцы поступили в руки химиков, которые должны были исследовать их, чтобы определить процент содержащегося в них металла, а Бальзак снова засел за свой письменный стол: ему приходилось усиленно работать, чтобы нагнать время, потраченное на путешествие, и заработать денег на вторичную поездку. Целый год жил он мечтами о богатстве, которое даст ему Сардиния. Он рассчитывал, что расплатится со всеми долгами, купит себе в Турени замок и будет там жить благодетельным помещиком, изредка наезжая в Париж, чтобы набраться свежих мыслей. В Париже у него будет салон, где станет собираться цвет интеллигенции, все выдающиеся деятели литературы и артистического мира.

Через год Бальзак отправился в Пьемонт хлопотать у сардинского короля о концессии на разработку старых рудников. Но, увы! Он так много говорил всякому встречному и поперечному о выгодности задуманного предприятия, что какой-то генуэзец упредил его и уже успел получить концессию, о которой он только еще мечтал. Сообщая о своем разочаровании г-же Карро, романист пишет: «Я был в Сардинии и остался жив! Я нашел в действительности те 120 тысяч франков, существование

которых предугадывал. Но генуэзец овладел ими посредством „biglietto reale“, полученного им за три дня до моего приезда. В первую минуту мне сделалось дурно, но потом все прошло». Несколько дней спустя он пишет сестре о своей неудаче совершенно спокойным тоном и предупреждает ее, что имеет в виду новое, гораздо более выгодное предприятие.

Постоянная забота о деньгах, постоянная мечта – как бы избавиться и от долгов, и от всяких материальных лишений – доводили Бальзака чуть не до галлюцинаций. Один из его приятелей, Лоран Жан, рассказывает, как однажды Бальзак пришел к нему ночью, перебудил своими громкими звонками всех жильцов в доме и стал уговаривать его как можно скорее встать, чтобы отправиться с ним вместе в путь, в Монголию. Приятель не на шутку испугался, думая, что романист сошел с ума. Но Бальзак показал ему какое-то кольцо, которое носил на пальце, и рассказал целую историю: «Это кольцо, – уверял он, – я получил в Вене от известного историка Гаммера. На его камне выгравированы какие-то арабские буквы. Вчера на вечере у неаполитанского посланника я обратился к турецкому посланнику с просьбой объяснить мне, что значили эти буквы. Я показал ему кольцо. Он осмотрел его и вскрикнул так громко, что все обратили на нас внимание. „У вас кольцо Пророка, – сказал он и поклонился мне до земли. – Это кольцо носил Пророк, на нем начертаны его буквы. Оно было украдено у Великого Могола лет сто тому назад и продано такому-то немецкому князю. Великий Могол обещал целые бочки золота и алмазов тому, кто возвратит ему священное кольцо; отправляйтесь к нему, и вы вернетесь богачом!“» Лоран Жан отнесся с полным недоверием к этому фантастическому рассказу и, смеясь, уверял, что не даст за священное кольцо и четырех су. Бальзак страшно рассердился, осыпал приятеля ругательствами, кричал, топал ногами, а в конце концов растянулся на ковре в его комнате и заснул крепким сном. На следующее утро он уже не заикался о путешествии к Великому Моголу, и впоследствии, когда приятели напоминали ему о священном кольце, он старался замять разговор.

После всех этих экскурсов в область грез или фантастических предприятий он еще прилежнее засаживался за свой письменный стол, чувствуя, что одна только работа может дать ему ту независимость, к которой он стремился всю жизнь. Читая длинный список его произведений, нельзя не удивляться необыкновенной плодовитости его таланта. И эта плодовитость шла рука об руку с изумительной добросовестностью, с кропотливостью в работе. Едва ли можно найти писателя, который полнее применял правило Буало о том, что каждое литературное произведение

следует исправлять и переделывать несколько раз, прежде чем выпустить в свет. Когда ему приходил в голову сюжет какого-нибудь нового романа, он сразу увлекался им, быстро набрасывал на бумагу первые страницы и бежал печатать их в одном из журналов, сотрудником которых считался. Ему присылали корректурные листы, и тут только начиналась для него настоящая работа. Через несколько часов корректуры возвращались в типографию, но в каком виде! Все было зачеркнуто, испещрено значками, все поля исписаны вставками. Наборщики вздыхали: «Набирать Бальзака» – *faire du Balzac* – считалось у них тяжелой работой, и они исполняли ее по очереди, каждый не более часа. Вторая, третья корректуры оказывались ничуть не лучше первой. Мало-помалу первоначальный текст совершенно исчезал, страницы превращались в целые листы, появлялись новые действующие лица, новые сцены, новые осложнения в самой фабуле. Некоторые романы его выдержали по 12 и более подобных корректур! Напечатав свое произведение в журнале, Бальзак через несколько месяцев издавал его отдельной книгой, и при этом опять шли новые переделки и исправления. При втором, при третьем издании – то же самое. Такая манера писанья требовала от романиста не только большого труда, но и материальных издержек: издатели ставили ему в счет ту лишнюю работу, которую он задавал типографии, и нередко весь его гонорар – 200 франков за лист – уходил на уплату этого счета. Переделки Бальзака иногда касались содержания романов, но главным образом – формы, которой он придавал громадное значение. Слог не давался ему так легко, как некоторым другим, например, Александру Дюма, который исписывал своим ровным, четким почерком целые страницы без одной помарки. Бальзак вел ожесточенную борьбу с фразой, стараясь достигнуть как можно большей яркости и картинности выражений. Борьба оканчивалась в большинстве случаев победой, но эта победа доставалась ему дорогой ценой.

Глава VII

Трудовая жизнь. – Жарди. – Гости. – Работа. – Посещение В. Гюго. – Удивительный орешник. – План драматических пьес. – Выгодный сотрудник. – «Вотрен». – «Кинола». – Другие пьесы. – Процесс Пейтеля.

«Я вернулся к своей обычной трудовой жизни, – пишет Бальзак сестре в 1835 году. – Я ложусь спать тотчас после обеда, в 6 часов. Животное переваривает пищу и спит до 12 часов ночи. Август вливает в меня чашку кофе, благодаря которой мой ум может бодро работать до 12 часов дня. Затем я бегу в типографию, отношу рукописи и забираю корректуры; это дает возможность сделать моцион животному, которое на ходу строит разные планы. В течение 12 часов много белой бумаги покрывается черными буквами, и в течение месяца такой жизни много дела оказывается сделанным. Бедное перо! Ему надобно быть алмазным, чтобы не иступитья от этой работы! Прославить своего хозяина, дать ему возможность со всеми расплатиться, добыть ему со временем покойную жизнь – вот такая задача предстоит ему!»

Надобно сознаться, что тот образ жизни, который вел Бальзак, значительно усложнял эту задачу его пера. Способный переносить всевозможные лишения, отказывать себе в самом необходимом комфорте, он был вполне неспособен к какой бы то ни было расчетливости в денежных делах. В практической жизни воображение увлекало его точно так же, как и при создании романов. Едва расплатившись с наиболее назойливыми долгами, он вздумал купить землю в окрестности Парижа, около Виль д'Авре, и выстроить на ней дачу. «Ты совершенно напрасно отговариваешь меня, – писал он сестре, старавшейся доказать ему всю нелепость этой затеи. – Разве ты не понимаешь, что эта недвижимая собственность должна служить для матери обеспечением моего долга». Вместо этого знаменитый «Жарди», как Бальзак окрестил свою дачу, оказался для него источником новых и новых долгов. «Жарди» был не более не менее как крутой холм, спускавшийся на дорогу между Севром и Виль д'Авре, в нескольких верстах от Парижа. На вершине этого холма Бальзак выстроил дом странной архитектуры, узкий и высокий, в три этажа, по одной комнате в каждом. Этажи соединялись крутой наружной лестницей, а вокруг первого этажа шла крытая галерея. Около дома не было ни деревца, ни кустика, но из окон его открывался чудный вид на долину Виль д'Авре, на Севр, на Париж. Отсутствие растительности вокруг

дома нисколько не огорчало Бальзака: он был твердо убежден, что через год разведет великолепный сад, где будут красоваться магнолии, высокие липы, тенистые клены. А между тем, чтобы развести самый жалкий цветничок и устроить несколько дорожек, удобных для ходьбы, пришлось бороться с величайшими трудностями. После всякого сильного дождя почва холма ползла вниз и увлекала за собой растительность. Пришлось устроить несколько террас и подпирать каждую из них камнями, которые все-таки плохо противостояли осенним дождям. С одной стороны владения Бальзака соприкасались с чужой усадьбой, и, чтобы отгородиться от соседа, Бальзак воздвиг стену в сажень высотой. Стена эта явилась для него источником бесконечных неприятностей. По оплошности строителей или по странной прихоти судьбы, она никак не стояла на месте. После всякого сильного ветра или дождя она валилась, и непременно в огород соседа, на его репу и капусту, за которые Бальзаку приходилось платить втридорога.

Наконец романист потерял терпение и купил соседнюю дачу. «Хоть дорого пришлось заплатить, – говорил он, – да не беда, пусть моя несчастная стена умирает на своей собственной земле».

Внутреннее убранство дома было еще фантастичнее, чем его «наружность». Ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни комодов, ни шкафов там не было. Простые, голые, выштукатуренные стены, на которых красовались надписи углем: «Отделка из Паросского мрамора. Плафон расписан Эженом Делакруа. Обои д'Обюсона. Мраморный камин. Двери вроде Трианонских. Мозаичный паркет из разных сортов редких деревьев с островов». Вся эта «роскошь» должна была украсить «Жарди» в отдаленном будущем, а пока романист утешался тем, что во всех комнатах устроил звонки собственного изобретения, так остроумно скрытые в стенах, что их трудно было заметить. В «Жарди» Бальзак не жил постоянно: когда у него была спешная работа, он запирался в своей маленькой парижской квартире, ни с кем не виделся и писал, почти не отрываясь от стола, часов по 18 в сутки. В сравнительно свободные промежутки времени он переселялся на свою дачу и очень любил принимать там друзей. Гости собирались обыкновенно к обеду, часам к шести, Бальзак ел всегда с большим аппетитом; особенно фрукты составляли его любимую пищу. Вино подавалось за его столом в изобилии, гости пили, разговоры велись самые непринужденные, со всех сторон сыпались пикантные анекдоты, шутки, остроты. Бальзак не любил сам говорить за обедом, но с величайшим удовольствием слушал своих собеседников, весело хохотал каждой удачной остроте, приходил в восторг от удачного каламбура. После обеда он угощал присутствовавших

особенным кофе собственного приготовления и каким-то удивительным желтым чаем, о происхождении и свойствах которого он рассказывал самые фантастические истории. Затем Бальзак уходил в свою комнату и ложился спать, с тем чтобы ночью встать и работать. Он находил, что одна только ночная тишина природы и жизни возвращает ему спокойствие, необходимое для его творчества. Часто он обдумывал свои произведения, бродя машинально ночью по лесам Виль д'Авре и Сен-Клу. Не раз случалось ему очнуться утром в Париже, на площади Согласия, в халате, в туфлях, без шляпы на голове; он не помнил, по каким местам ходил несколько часов сряду, и спешил влезть на имперьял дилижанса, чтобы скорей вернуться в Виль д'Авре. Кондуктор знал его и не пытался требовать с него платы: известно было, что у него в кармане никогда нет ни одного су.

Апогей известности Бальзака совпал по времени с расцветом славы Виктора Гюго. Оба писателя знали и взаимно ценили друг друга, но никакой близости между ними не существовало. Тем более приятно и лестно было Бальзаку, когда глава романтической школы выразил желание посетить его на даче. Леон Гозлан дает нам характерное описание этого свидания двух светил тогдашней литературы:

«Бальзак был одет в живописные лохмотья. Его панталоны без подтяжек по обыкновению расходились с его широчайшим жилетом, его поношенные башмаки не сходились с панталонами; бант его галстука торчал около уха; четыре дня не бритая борода густо разрослась. На Гюго была серая шляпа сомнительного цвета, выцветший синий фрак с золотыми пуговицами в виде кастрюль, черный, истрепанный галстук и большие зеленые очки. Пока подавали завтрак, Бальзак предложил гостю погулять по его владениям. В. Гюго хвалил дачу очень сдержанно. Напрасно Бальзак уверял его, что об этой местности упоминается в мемуарах Сен-Симона; он, видимо, в душе подсмеивался над странной прихотью хозяина, нетвердо ступая по узеньким дорожкам садика, залитым асфальтом. Одно вызвало его восхищение – это огромное ореховое дерево, возвышавшееся почти у подножия холма. Бальзак просиял при восторженном восклицании гостя.

– Да, это чудное дерево, – сказал он, – я недавно купил его у общины. Знаете, что оно дает?

– Так как это орешник, то, вероятно, дает орехи! – ответил Гюго.

– Нет, оно даст 15000 франков дохода! – вскричал Бальзак и, увлекаясь своей фантазией, тут же экспромтом сочинил целую историю: оказалось, что, в силу древнего обычая, остатка феодального права, все жители

соседней общины обязаны свозить нечистоты к подножию этого дерева; из этих нечистот выйдет превосходное удобрение, которое Бальзак будет продавать соседним землевладельцам чуть не на вес золота.

– Одним словом, – закончил он, – у меня тут гуано, то самое гуано, которое мириады птиц оставляют на пустынных островах Тихого океана.

– Понимаю, – с олимпийским спокойствием заметил Гюго, – у вас, мой милый Бальзак, гуано, но без птиц.

– Гуано без птиц! – подтвердил Бальзак, громко смеясь этому определению его удивительного феодального удобрения и его неслыханного источника дохода.

Никогда нельзя было решить, насколько Бальзак сам верит тем сказкам, которыми он угощал других. Во всяком случае, увлечение, с которым он рассказывал, было так искренно, что никому не приходило в голову сердиться на него, подозревать его в умышленном обмане. Между прочими разговорами в этот день Гюго рассказывал ему о постановке на сцене своих драм, о тех мучениях, какие приходится выносить драматическому писателю, и о тех выгодах, какие приносят пьесы, которые часто даются в театрах. Воображение Бальзака воспламенилось. Как, он, романист, таким тяжелым трудом зарабатывает свои сантимы и франки, а Гюго, написав пьесу, может спокойно сложить руки: со всякого представления ее в каком бы то ни было театре он получает премию, и сумма этих премий доходит в иной вечер до 400 франков. Бальзак не был жаден к деньгам, но он всегда мечтал о богатстве, которое дало бы ему возможность отдохнуть, не мучиться на обязательной работе. После визита Гюго он решил, что исполнит намерение, и прежде часто приходившее ему в голову, – сделается драматическим писателем. Масса сюжетов для пьес и комического, и трагического содержания сразу зародилась его в голове.

– У меня великолепная идея! – толковал он своим друзьям, – блестящая и солидная, настоящий розовый гранит. Из этого гранита мы выдолбим замечательную пьесу в несколько картин для театра Порт Сен-Мартен. Фредерик (Фредерик Леметр, известный актер того времени) обещал мне взять в ней роль. С Фредериком в главной роли, вы понимаете, у нас будет не меньше 150 представлений по 5 тысяч франков каждое; это со ставит 750 тысяч франков. Теперь считайте: 12 % авторского гонорара составляют более 80 тысяч франков; затем билеты, за которые можно получить еще тысяч пять-шесть; а кроме того, текст пьесы, который мы напечатаем в виде брошюры и будем продавать по 3 франка; 10 тысяч экземпляров дадут 30 тысяч франков; кроме того...»

По обыкновению воображение увлекало автора в мир фантазии, и, не

написав еще ни строчки, он уже аккуратно высчитывал все громадные барыши от своих будущих драм.

Одной из фантастических затей Бальзака было приглашение к себе сотрудника, который должен был за стол и квартиру в «Жарди» помогать ему во всех его драматических сочинениях и находить ему всегда, когда потребуется, сюжет, завязку или развязку драмы. На роль этого сотрудника Бальзак выбрал одного болезненного и бездарного молодого писателя. В течение нескольких месяцев он добросовестно кормил и поил его, но без всякой пользы для себя: никакая драматическая идея не приходила в голову молодому человеку. К довершению его неприятного положения, Бальзак требовал у него обыкновенно этих идей ночью, когда сам работал. Встревоженный, полусонный прибежал он в ночном костюме на громкий звонок своего патрона и, зевая, объявлял, что еще не вполне придумал драму, что хотел бы прежде послушать, не сочинил ли чего-нибудь сам Бальзак, может быть, можно соединить две идеи, слить их в одну пьесу...

– Вы спите, любезный друг, – прерывал его Бальзак, – ложитесь, через час я вас позову!

Иногда случалось, что он его звал раз по шести в ночь, и наконец молодой человек не выдержал, сбежал и после не мог без содрогания вспоминать самое имя Бальзака.

Стремление к драматическому писательству охватывало обыкновенно Бальзака приступами и часто проходило бесследно. Но во время одного из таких приступов судьба столкнула его с директором театра, таким же мечтателем, каким был он сам. Г-н Гарель, директор театра Порт Сен-Мартен, несколько раз в жизни разорялся и снова выпутывался из затруднений, а в это время, испробовав на своей сцене и классическую трагедию, и романтическую драму, и ученых обезьян, и прирученных слонов, был снова накануне банкротства. Когда Бальзак предложил, что даст ему пятиактную драму в прозе, он ухватился за него, как утопающий за соломинку, и решил как можно скорее начать репетиции. Между тем драма существовала пока только в мечтах Бальзака. Но дав слово поставить ее, он считал себя обязанным во что бы то ни стало и написать ее. Он бросил на время «Жарди», заперся в своей парижской квартире вдвоем с переписчиком, не видался ни с кем из знакомых и принялся за работу. Пьеса писалась и в то же время репетировалась в театре. Заметив, что у автора еще ничего не готово, актеры заставляли его переделывать каждую сцену, каждую фразу, мучили его своими противоречивыми требованиями, своими критическими замечаниями. Бальзак исправлял, добавлял, сокращал, по несколько раз изменял каждое действие, каждый диалог, а

директор театра умолял его спешить, уверял, что не может более держаться. Два с половиной месяца тянулись эти репетиции, эта ежедневная пытка Бальзака. Он похудел, пожелтел, друзья боялись, что он серьезно расхворается. Наконец на афишах появилось объявление о первом драматическом произведении знаменитого романиста, о пьесе «Вотрен», в которой главным действующим лицом является беглый каторжник Вотрен, уже фигурировавший в «Отце Горио» и в других романах Бальзака. Рядом с ним должны были появиться герцоги и маркизы, принцессы и герцогини. Публика заинтересовалась. Ходили слухи, что цензура запретит пьесу. Театр был полон. Первые три акта прошли довольно холодно; в четвертом произошел скандал: Фредерик Леметр, игравший заглавную роль, должен был явиться в каком-то странном костюме мексиканского генерала; многим показалось, что его головное украшение и гримировка напоминают короля, раздались свистки, смех, и пьеса закончилась среди общего шиканья. Друзья Бальзака объясняли провал пьесы случайностью, недоброжелательством публики, завистью журналистов, но это не совсем справедливо: пьеса была действительно слаба, мелодраматична, неестественна. Цензура запретила ее, но совершенно напрасно: безнравственного она в себе ничего не заключала и, вероятно, через несколько представлений перестала бы привлекать публику.

Вторая попытка Бальзака выступить на поприще драматического писателя оказалась не более удачной. Через два года после падения «Вотрена» он предложил директору театра «Одеон» только что написанную им пятиактную комедию «Les ressources de Quinola» («Проказы Кинолы»). Директор согласился поставить пьесу и пригласил артистов театра послушать ее в чтении автора. Бальзак читал с большим одушевлением и так заразительно хохотал на всех смешных местах, что и слушатели не могли удержаться от смеха. После четвертого акта он остановился, вытер лоб, привел в порядок свой туалет, несколько пострадавший во время оживленного чтения.

– Ну, что же пятый акт! Читайте! – просили актеры.

– Пятый акт у меня еще не написан, друзья мои, – ответил Бальзак, – если хотите, я вам его расскажу!

Он принялся рассказывать, сбиваясь, повторяясь, поправляя самого себя. Слушатели остались недовольны развязкой, тем не менее пьеса была принята театром и репетиции ее начались. Бальзак выговорил себе весь сбор с первых трех представлений и, еще не дописав пятого акта, уже по своему обыкновению строил самые фантастические расчеты. На первое представление он хотел пускать только отборную публику: в партер –

кавалеров ордена Св. Людовика; в оркестр – пэров Франции; в ложе 1-го яруса – посланников и дипломатический корпус; во 2-й ярус – депутатов и высших сановников государства; в 3-й – денежную аристократию; в 4-й – богатую буржуазию.

«Скажите всем вашим русским, – пишет он одной своей знакомой русской барыне, – что мне нужны имена и адреса с их личной и письменной рекомендацией для их друзей-мужчин, которые захотят иметь места в оркестре. Ко мне являются по пятидесяти человек в день под ложными именами и не говорят своего адреса, это всё враги, желающие провалить пьесу».

Он сам стал продавать билеты с большим разбором, мечтая о том, чтобы ложи первого и второго ярусов были заняты красавицами, и, чтобы поднять цену, с первого же дня объявлял, что все билеты распроданы, что их можно получить только с большой премией. Первые два-три дня эта хитрость имела успех, и многие заплатили за билеты двойную цену, но затем публика поняла, что не стоит гоняться за билетами непременно на первое представление, лучше подождать второго. В конце концов оказалось, что на первом представлении зал «Одеона» был более чем наполовину пуст. Первый акт прошел весело. Главный герой пьесы Кинола, подражание Фигаро, понравился публике. После второго стали заметны признаки скуки. Действие пьесы разворачивалось медленно, вяло, затемненное разными вставочными эпизодами. После пятого акта занавес упал при свистках публики. После этого Бальзак написал еще три-четыре пьесы, имевшие некоторый успех на сцене; в особенности понравилась публике одна из них, драма из семейной жизни «La Marâtre» («Мачеха»). Его комедия «Mercadet» до сих пор не снята с репертуара «Comédie Française», но она была поставлена на сцене уже после его смерти, со значительными переделками против первоначального текста. Задумано и начато было Бальзаком более двадцати пьес, одна, между прочим, из русской истории: «Pierre et Catherine» («Петр и Катерина»), где на сцене появлялись Петр Великий и Екатерина I, – должна была изображать жизнь Екатерины до ее приезда в Россию и женитьбу Петра. К числу фантастических предприятий Бальзака нельзя не причислить его намерения выступить адвокатом в одном уголовном процессе, наделавшем много шума во Франции зимой 1838 – 1839 года. Нотариус маленького городка Белей, г-н Пейтель, обвинялся в предумышленном убийстве своей жены и лакея. Бальзак был немного знаком с Пейтелем, который, прежде чем избрать карьеру нотариуса, пытался проявить себя в литературе. Может быть, это личное знакомство заставило его сомневаться в преступности

подсудимого, может быть, он был искренно убежден в пристрастности судебного следствия, а может быть, его честолюбию льстила надежда присоединить к лаврам писателя лавры адвоката, во всяком случае, при первом известии об аресте Пейтеля он объявил, что выступает его защитником. Дело было сложное и тонкое. Преступление было совершено на большой дороге, на мосту, в одной версте от города; лакей убит несколькими ударами молотка, жена – двумя выстрелами из револьвера. Пейтель сознался в убийстве слуги, объясняя его минутной запальчивостью, но утверждал, что не имел намерения убить жену, что его выстрел случайно задел ее. Прокурорский надзор обвинял его в двойном убийстве с корыстной целью воспользоваться наследством жены. Эта корыстная цель была недостаточно доказана, но весь город знал, что Пейтель женился по расчету, что супруги жили весьма недружно, и *случайность* убийства представлялась слишком маловероятной. Друзья Бальзака советовали ему не мешаться в это темное дело, юристы заранее злорадствовали, предвкушая все промахи, какие может наделать романист, взявшийся за чуждую ему специальность, но это не остановило Бальзака. Правда, он не решился явиться со своей защитительной речью на суд в Бург, где рассматривалось дело, но, когда приговор был произнесен, когда суд, признав обвинение доказанным, приговорил подсудимого к смертной казни, он взялся хлопотать о кассации и в то же время поместил в газете «Siècle» длинную и горячую «Записку», которая должна была представить обстоятельства дела в совершенно новом виде. В этой записке он следит за всей жизнью Пейтеля и объясняет показания свидетелей, обвинявших его в корыстолюбии и нечестности, исключительно ненавистью провинциалов к парижанину, который не мог разделить их интересов, их взгляда на жизнь. На основании отчасти личного знакомства с подсудимым, а главным образом своей романтической фантазии, он воссоздает личность убийцы совершенно не в том невыгодном свете, в каком она явилась на суде перед присяжными. Он упрекает следствие в пристрастности, в недостаточной тщательности и высказывает твердое убеждение, что в случае кассации другой состав присяжных наверняка вынесет подсудимому оправдательный приговор. Враги Бальзака уверяли, что именно эти слова «Записки» и погубили Пейтеля; что кассационный суд утвердил приговор Бургского суда именно потому, что побоялся, как бы другой состав присяжных случайно не оправдал человека, преступление которого возмущало общественную совесть. Кроме того, Бальзаку ставили в вину, что в пылу своей защиты он не слишком деликатно отнесся к жертвам преступления и позволил себе некоторые инсинуации, затрагивавшие честь покойной г-жи

Пейтель. Как бы то ни было, Бальзаку не удалось спасти Пейтеля от казни, и вся эта попытка подражания знаменитому защитнику Калласа не увеличила славы Бальзака, а, напротив, доставила ему только неприятности.

Глава VIII

Отношение к женщинам. – Г-жа Ганская. – Поздняя любовь. – Путешествие в Рим. – «Человеческая комедия». – Дом на улице Фортюне.

«Писатель не должен иметь связей с женщинами, – говорил Бальзак своему приятелю, Теофилю Готье, – это слишком большая потеря времени; с ними можно позволять себе только одно – переписку; это изощряет слог».

Следуя этой программе, Бальзак всю свою жизнь вел очень деятельную переписку с женщинами, но по тону и содержанию его писем ясно видно, что они писались не ради слога. Напротив, большинство их дышит самым искренним чувством, откровенностью, доходящей иногда до наивности. Первой и главной корреспонденткой его была сестра, г-жа Сюрвиль, потом мать, а затем целый ряд женщин, с которыми его связывали или прочные привязанности, или мимолетные увлечения, или просто тщеславие писателя, которому приятно получать раздушенные послания, наполненные самыми восторженными отзывами о его произведениях. В своих отношениях с женщинами Бальзак всегда был скромн, деликатен и несколько сентиментален. У него чувство преобладало над чувственностью; он считал унижительной для себя связь исключительно физическую, не освященную взаимной любовью. Он пользовался успехом у женщин, но это не был успех Дон-Жуана, покорителя сердец. Женщины любили в нем остроумного собеседника, добродушно-веселого фантазера, ценили его тонкую наблюдательность, его способность понимать и прощать женские слабости и женские увлечения. Его привычка хвалить себя и свои произведения, рассказывать все подробности своей домашней жизни и своих денежных затруднений не возмущала их, а скорей трогала, как ребяческая наивность. Даже самая наружность Бальзака располагала скорей к дружбе, чем к страстной любви: он был маленького роста, коренастого сложения, к 40 годам сильно растолстел; большая голова его была покрыта шапкой густых темных волос; полные красные щеки и толстые губы придавали всей его физиономии выражение добродушия; это же добродушие светилось и в его умных, необыкновенно выразительных глазах. Манеры у него были, скорее, свободные, чем изящные, он говорил громким голосом, размахивал руками, бегал по комнате из угла в угол, громко хохотал. Своей внешностью он занимался только в тот короткий период, когда хотел

понравиться герцогине де Кастри; вообще же он, за редкими исключениями, одевался небрежно, носил «толстое» белье, неуклюжую обувь, нелепые шляпы. В рассказах современников, в его письмах мы находим мало следов любовных приключений, но зато находим несколько имен женщин, с которыми его соединяла прочная дружба: г-жи Берни, Карро, Ж. Санд, Эм. Жирарден, герцогини д'Абрантес и, наконец, Ганской, которую он знал и любил 16 лет, прежде чем сделаться ее мужем.

Первое знакомство Бальзака с г-жой Ганской началось с переписки. Графиня Эвелина Ржевусская происходила из семьи обедневших польских аристократов и в 16 лет вышла замуж за богатого киевского помещика Венцеслава Ганского, который был гораздо старше ее и почти безвыездно жил в своем имении. В деревенской глуши молодая женщина пристрастилась к чтению, преимущественно произведений французской литературы.

Романы Бальзака производили на нее сильное впечатление, особенно пленили ее «*Scène de la vie privée*» («Сцены из частной жизни»). В «Шагреновой коже» и в особенности в «Физиологии брака» ее неприятно поразили некоторый цинизм и скептицизм автора, и она решила высказать ему свое мнение. Вести открыто переписку с французским писателем было немислимо для русской помещицы, находившейся под бдительным надзором хотя и добродушного, но ревнивого мужа и разных местных кумушек. Г-жа Ганская писала тайком, пользуясь для пересылки своих писем услугами своей гувернантки-швейцарки, скрывала от Бальзака свое имя и адрес, просила его только помещать в журнале «*Quotidienne*» извещения о получении ее писем. В этих письмах выражалось такое наивное поклонение и романисту, и человеку, они были написаны так умно и изящно, личность корреспондентки, окутанная покровом тайны, являлась в них настолько привлекательной, что Бальзак сразу заинтересовался ими.

В сентябре 1833 года он получил извещение, что «иностранка» находится в Невшателе и может повидаться с ним. Он немедленно отправился в Швейцарию. Первое свидание произошло в саду гостиницы «Сокол», и подробности его пересказываются совершенно по-разному: одни говорят, что, увидав г-жу Ганскую среди многочисленного общества, Бальзак сразу узнал ее, что она страшно взволновалась при его приближении, и они почти упали в объятия друг друга, восклицая: «Ева!» – «Оноре!» Другие утверждают, что знакомство произошло более общепринятым способом, что г-жа Ганская была даже несколько разочарована при виде толстенькой, коротенькой фигуры предмета своего заочного обожания. Во всяком случае, Бальзак скоро заставил ее забыть это

мимолетное разочарование и явился перед ней тем тонким, увлекательным собеседником, который умел внушать доверие женщинам и пленять их сердца. На Бальзака это первое свидание с его анонимной корреспонденткой произвело сильное впечатление. Вот что он пишет по этому поводу сестре: «Мне очень хотелось рассказать тебе о моем путешествии. Я нашел там все, что может льстить беспредельному тщеславию животного, называемого человеком, и тщеславию поэта, который, несомненно, самый тщеславный из всех людей. Но что я говорю – тщеславие! Нет, не в том дело. Я просто счастлив, идеально счастлив и пока en tout bien, tout honneur^[6]. Увы! В течение пяти дней ее проклятый муж ни на шаг не отходил от нас, постоянно вертелся между юбкой жены и моим жилетом. Притом же в маленьком городке никакая женщина, тем более иностранка, не может ступить шагу, чтобы ее не заметили. Я был вне себя, всякое стеснение для меня мучительно. Самое главное, что ей всего 27 лет и что она чудно хороша; у нее самые роскошные на свете черные волосы, нежная, очаровательно тонкая кожа брюнетки, восхитительная, маленькая ручка и наивное 27-летнее сердечко; это настоящая m-me de Линвелос, неосторожная до того, что бросилась мне на шею при всех. Не стану говорить тебе о ее громадном богатстве, оно ничего не значит при подобной красоте. Глаза у нее темные, но когда оживляются, то принимают чудно-сладострастное выражение. Я почувствовал себя опьяненным любовью. Тебе одной, милая сестра, тебе, старому товарищу моих печалей и слез, могу я рассказать о своей радости, и эта тайна должна умереть в твоём сердце. Я никогда не позволяю себе ни малейшего фатовства в отношениях с женщинами; исключение составляет разве маркиза де Кастри, но она не боится громкой известности. Я не хочу, чтобы моя нескромность была причиной какого-нибудь несчастья. Сожги же это мое письмо. Господи, как прекрасны Val de Trainers^[7] и Бьенское озеро! Мы отправили туда ее мужа приготовить завтрак, а сами остались сидеть под тенью большого дуба и там обменялись тайком первым поцелуем. Так как ее мужу без малого 60 лет, то я поклялся ждать ее, а она поклялась сохранить для меня руку и сердце».

Г-жа Ганская действительно обладала привлекательной внешностью; она была среднего роста, стройная, грациозная; черные глубокие глаза ее блестели умом, необыкновенно маленькие розовые губки мило улыбались, выдающейся особенностью ее лица был большой, открытый, красиво очерченный лоб. Она была хорошо образована, знакома с европейскими литературами, интересовалась вопросами искусства. По натуре спокойная,

более нежная, чем страстная, она отличалась склонностью к мистицизму и сильно развитыми аристократическими пристрастиями. Муж ее, не подозревавший коварных замыслов Бальзака, полюбил его как веселого собеседника и настойчиво звал к себе в деревню. Бальзак с радостью принял это приглашение и обещал непременно приехать, как только ему позволят дела, а пока просил и получил от Ганской позволения писать ей. Между ними завязалась переписка, тянувшаяся много лет и скрепившая их взаимные отношения. Бальзак пишет ей обо всем: о своих литературных планах, о своих денежных затруднениях, о своих надеждах и своих разочарованиях. Он рассказывает ей и о своем путешествии в Сардинию, и о своих успехах в аристократическом салоне принцессы Бельджиозо, и о своих ссорах с журналистами и издателями. Ганская высказывает беспокойство по поводу дошедших до нее слухов о его сближении с герцогиней де Кастри, и он спешит разубедить ее: «Вы говорите мне о г-же Кастри, – пишет он, – я с ней в отношениях изысканной любезности, в таких отношениях, которые и вы не могли бы не одобрить».

В 1835 году Бальзаку, несмотря на денежные затруднения и усиленную работу, удалось повидаться с Ганской: она гостила некоторое время в Вене, и он два раза приезжал к ней туда. Г-жа Ганская была тронута этим доказательством расположения романиста, встретила его самым радушным образом и окружила той любезной заботливостью, к которой он был всегда очень чувствителен. Вернувшись в Париж, он писал ей:

«Не воображайте, что я перестаю думать о вас, даже когда я так занят, как теперь; в часы утомления и отчаянья, в те часы, когда энергия падает, когда сидишь в кресле с опущенными руками, с поникшей головой, с ослабевшим телом и вялым умом, крылья воспоминания невольно переносят к тем минутам, когда наслаждался отдыхом под свежей, зеленой тенью, к тому дню, когда спешил на свиданье с женщиной, которая улыбается мне издали, несмотря на разделяющее нас расстояние, с женщиной, сердце которой – сама чистота, сама искренность, с женщиной, которая возбуждает, одушевляет, дает душевные наслаждения и восстанавливает силы так называемого таланта. Вы для меня все это! Вам это хорошо известно, так не смейтесь же над моими чувствами, как вы это иногда делаете!»

Г-н Ганский часто подтрунивал над отношением жены к Бальзаку, говоря, что писатели – народ опасный для женского сердца. Ганская передала эти слова своему другу, который отвечал ей с грустью: «Г-н Ганский слишком добр, воображая, будто писатели воспаляют сердца женщин. Мне этого нечего бояться, я безопасен для других, и сам не

подвергаюсь опасности».

В начале 1843 года Ганская овдовела. Между нею и ее мужем никогда не существовало горячей любви, они жили мирно, соблюдая всю видимость счастливых супругов, но его смерть не была для нее тяжелым ударом. Она оплакала его, сколько требовали приличия, и занялась устройством дел по богатому наследству, доставшемуся ей и ее единственной дочери, опекушкой которой она была назначена. Ради этих дел она отправилась в Петербург. Бальзак давно не видался с нею, даже переписка их стала менее оживленной в последнее время вследствие болезни г-на Ганского. Теперь, узнав, что она свободна и в Петербурге, он поспешил к ней. Два месяца провел он около нее, и в это время любовь превратилась в настоящую страсть. Работа призывала его обратно в Париж, но он не решался уехать до тех пор, пока Ганская не дала ему слова, что на будущий год приедет для свидания с ним в Дрезден.

«Дорогая графиня, – писал он ей из Берлина, – я приехал сюда в 6 часов и отдохнул в дороге только раз, 12 часов в Тильзите. Пока я был на русской земле, мне казалось, что я все еще подле вас, и, хотя я не чувствовал особенной веселости, вы должны были видеть по моей записочке из Таурогена, что я еще имел силы смеяться над собственным горем. Я ощущаю в себе громадную пустоту, которая все увеличивается и от которой ничто не может избавить меня».

В Берлине его посетил Александр Гумбольдт, который передал ему лестные отзывы о его произведениях короля и королевы прусских; французский посланник убеждал его погостить несколько дней в столице Пруссии, где в его честь готовилось празднество, но он спешил в Париж к своей работе.

«Я более чем когда-нибудь сознаю, – писал он Ганской, – что без вас мне ничего не нужно, и чем больше пространство, разделяющее нас, тем сильнее чувствую я соединяющие нас узы».

Письма, которые Бальзак писал своей приятельнице из Парижа, проникнуты такой же любовной тоскою. Разлука, воспоминания, неуверенность во взаимности – все это еще более разжигало его страсть. Обещанное свидание в Дрездене является ему единственной светлой точкой в будущем, и он сокрушается о том, что до этого свидания остался почти год, год, потерянный для его любви и представляющийся ему целой вечностью.

Г-жа Ганская не разделяла, по-видимому, страстного влечения романиста и весьма спокойно переносила разлуку с ним. Она по-прежнему писала ему дружеские письма, но заботилась гораздо больше о дочери и об

имении, чем о нем. Вместо осени 1844 года она приехала в Дрезден в начале 1845 года и запретила Бальзаку слишком скоро являться туда. Оказалось, что их отношения в Петербурге уже подали повод к сплетням, и она боялась подвергнуться тому же в Дрездене, где вращалась среди немецкой и русской аристократии. Бальзака, кроме того, удерживали в Париже неотложные литературные обязательства, и он мог приехать в Дрезден только в начале лета. Г-жа Ганская встретила его со своей обычной радушной приветливостью, а дочь ее, невеста графа Мнишка, отнеслась к нему вполне дружелюбно. Он провел с ними несколько дней в Дрездене, а осенью того же года – в Бадене.

«Баден был для меня цветущим букетом без единого шипа, – пишет он, – мы там жили так тихо, так спокойно, душа в душу; я был счастлив как никогда в жизни. Мне казалось, что я предвкушаю то будущее, которое я призываю, о котором мечтаю среди всех моих горестей, всей моей утомительной работы».

Этим «будущим» был брак с Ганской, на который она все еще медлила дать согласие. Всю зиму 1845 – 1846 года романист провел в тоске. Его возлюбленная путешествовала в это время по Италии, а он вздыхал по ней, привязанный к Парижу.

За последние годы, путем усиленной работы, ему удалось почти совсем освободиться от своих долговых обязательств; он мечтал, что, энергично поработав еще года два-три, окончательно завоюет себе материальную независимость, но нравственное угнетение, в каком он находился вследствие неопределенности своих отношений с Ганской, подавляло его творческую деятельность: в зиму 1845 – 1846 года он не написал почти ничего. Друзья подсмеивались над его юношеской страстью в такие «солидные» годы, но он не обращал внимания на их насмешки. В тех письмах, которые он писал в это время своей возлюбленной, он является романтиком самой чистой воды. Париж представляется ему пустыней, все ему противно; ни слава, ни богатство, которых он добивался с таким трудом, не нужны ему: он мечтает об одном: иметь свой дом, свою семью, жить вдвоем. Он по-прежнему просиживает по целым часам за своим письменным столом, но вместо того, чтобы писать, он любит висящим перед ним портретом Ганской и упивается воспоминаниями о счастливых часах, проведенных в ее обществе. Весной 1846 года он поехал к ней в Рим. Там она, наконец, сжалилась над ним и обещала ему сделаться его женой, как только его и ее денежные дела придут в порядок. Это давно ожидаемое обещание наложило на то впечатление, какое вечный город произвел на романиста. Его письма из Рима к г-же Сюрвиль наполнены

восторженными описаниями всего, что он там видел:

«Кто не был в Риме, – пишет он, – тот не может составить себе понятия о том, что такое древность, что такое архитектура, что такое великолепие и фантазия, превратившаяся в действительность!» – «Хотя я и недолго пробыл в Риме, но он останется одним из величайших и лучших воспоминаний моей жизни!»

Путешествие освежило Бальзака, обещание Ганской успокоило его, поставило новую, заманчивую цель для его трудов, и, возвратясь в Париж, он с удвоенной энергией принялся за прерванные литературные работы. Он по-прежнему печатался в нескольких журналах разом и в то же время редактировал свои ранее напечатанные романы для новых изданий. Это редактирование обыкновенно равнялось для Бальзака переделке, и даже очень значительной. Он часто менял заглавие всего романа или отдельных частей, многое сокращал, другое, напротив, представлял в более просторном и выработанном виде.

С 1842 года начало выходить полное издание его романов под общим названием «Comédie Humaine» («Человеческая комедия»), с разделением на следующие части: «Сцены частной жизни», «Сцены провинциальной жизни», «Сцены военной жизни», «Сцены политической жизни», «Сцены деревенской жизни», «Философские этюды», «Аналитические этюды». Мы уже видели, какое громадное значение придавал Бальзак такому объединению своих произведений. Ему казалось, что смысл каждого отдельного романа может быть вполне понятен только тогда, когда он рассматривается как часть целого, как один штрих в общей всесторонней картине жизни современного общества.

Кроме литературной работы, время и силы Бальзака отвлекались еще на одно личное дело, на новую фантазию. Разочаровавшись наконец в своих пресловутых «Жарди», он продал их, конечно, с большим убытком, и решил взамен их приобрести в собственность небольшой дом в Париже. Долго не находил он ничего подходящего, пока не пленился одним зданием: это был флигель, примыкавший некогда к великолепному отелю, выстроенному в XVIII веке одним богатым финансистом и полуразрушенному с тех пор. Флигель был выстроен в стиле XVIII века, окружен садом и при некоторых небольших переделках мог быть обращен в весьма изящный отель. Денег на покупку его у Бальзака не было. Он взял часть суммы вперед у своих издателей, на остальную получил отсрочку и сделался счастливым домовладельцем на улице Фортюне. Предстояла новая задача: надобно было отделать и меблировать отель так, чтобы он сделался достойным жилищем женщины, которая должна была войти в

него хозяйкой. Бальзак с увлечением принялся за дело. Красивая мебель и мелкие украшения комнат всегда были его страстью, доходившей до какой-то мономании. В молодости он часто отказывал себе в пище, чтобы купить какую-нибудь понравившуюся ему вещицу. Он ходил на аукционы, осматривал магазины редкостей, рылся в лавках старьевщиков и восхищался, как дитя, если успевал за недорогую цену приобрести какое-нибудь произведение искусства. Мало-помалу у него накопилось такое множество всякой всячины, что, когда он перевез свое имущество в отель на улице Фортюне, маленький домик превратился в настоящий музей редких и красивых вещей. Некоторые из этих вещей представлялись настоящими драгоценностями для любителей старины; так, в кабинете Бальзака стояли: комод Марии Медичи из черного дерева с гербами Франции и Флоренции и письменный стол Генриха II с монограммами из инкрустаций «Генрих», «Мария». В столовой обращал на себя внимание украшенный лилиями фаянсовый бассейн работы Палиси. В одной из спален возвышалась кровать г-жи Помпадур с изящными скульптурными украшениями. Множество этажерок, консолей, шкапчиков было наполнено фарфоровыми сервизами, вазами, всевозможными безделушками. За один сервиз, расписанный Ватто, Бальзаку давали 4 тысячи франков, но он не согласился продать его. На стенах красовались картины, большей частью – произведения великих мастеров. Бальзак купил некоторые из них по случаю, у старьевщиков и на аукционах во время своего пребывания в Риме, и ни за какие деньги не соглашался расстаться с ними. Вообще, все предметы, наполнявшие домик на улице Фортюне, представляли для него не одну только материальную стоимость. С каждым из них у него связывалось какое-нибудь воспоминание о тех лишениях, каким он себя подвергал, о тех трудах, какие он нес для приобретения и сохранения его, или о той радости, какую он испытывал, когда ему удавалось принести домой страстно желанную вещь.

Глава IX

Путешествие в Россию. – Февральская революция. – Вторая поездка в Россию. – Неудача в Академии. – Болезнь. – Запоздалое счастье. – Возвращение домой. – Смерть.

В начале 1847 года Ганская, отпраздновав свадьбу дочери с графом Мнишком и отпустив молодых в Россию, провела несколько недель в Париже с Бальзаком, а осенью того же года он, прилежно проработав все лето, отправился к ней, в ее имение. В то же время железная дорога шла от Парижа только до Кракова, а остальную часть пути романисту пришлось сделать в почтовой карете. Все, что он увидел в России, поразило его своей самобытностью, своим несходством с Европой. Совершенно ровная местность Украины, ее широкие степи, ее бесконечные поля, своеобразные костюмы и обычаи жителей, взаимные отношения помещиков и крепостных крестьян, – все это в живейшей степени возбуждало его любопытство и интерес. Дом Ганских считался самым великолепным в тамошней местности, действительно, он был обширен и роскошно меблирован, но глаз парижанина сразу заметил изъяны в этой роскоши: отсутствие обоев, ковров, недостаток ламп и т.п.

Ганская и молодые Мнишки встретили романиста самым дружелюбным образом; ему было приготовлено отдельное, изящно убранное помещение из трех комнат, подобрана специальная прислуга. Встречаясь с соседними помещиками и побывав в Киеве, он убедился, что романы его охотно читаются в России и что он имеет среди русских немало горячих поклонников. Это льстило его самолюбию, он отдыхал душой среди дружеской семьи, но главная цель, для которой он предпринял это длинное путешествие, не была достигнута: Ганская продолжала под разными предлогами откладывать их свадьбу.

В феврале 1848 года он вернулся в Париж, а через несколько дней вспыхнула Февральская революция. Бальзак никогда серьезно не занимался политическими вопросами. Он был по убеждениям монархист и если при Луи-Филиппе принадлежал к оппозиции, то к оппозиции легитимистской, а никак не республиканской. Он не был принципиальным противником социальных реформ и ничего не имел против улучшения положения рабочих, но требования «черни», волнения «толпы» возмущали его, а главное, с точки зрения его личных дел, переворот являлся для него настоящим бедствием. Известно, какой страшный промышленный кризис

произвели во Франции события 1848 года. Этот кризис всего сильнее отразился на книжной торговле. Все занялись политикой, никто не думал о литературе. В газетах вместо романов стали появляться политические памфлеты, издатели отказывались покупать рукописи. Бальзак ехал в Париж, имея в виду напечатать несколько новых и несколько старых, переделанных заново, произведений, получить значительные суммы вперед и расквитаться с кредиторами, которые опять начали преследовать его. Года три тому назад ему удалось уплатить все старые долги, но покупка и устройство дома стоили ему около 100 тысяч франков. Революция лишала его доходов, на которые он твердо рассчитывал, ему пришлось опять прибегать к ростовщикам; опять посвящать все свое время и заботы разным денежным операциям. Это приводило его в полнейшее уныние, тем более что являлось препятствием к его браку: Ганская решительно объявила, что не может стать его женой, пока он не освободится от всех своих долговых обязательств. Он был не в состоянии писать и хлопотал о постановке на сцене нескольких пьес, окончательно отделанных им в деревне Ганской.

Одна из этих пьес, «La Marâtre» («Мачеха»), имела порядочный успех в «Théâtre Historique»; другая, «Le Faiseur», принятая в «Théâtre Français», была сыграна под названием «Mercadet» уже после смерти автора; третью, комедию «Les petits Bourgeois», он сам забрал у директора театра, находя после июньских дней небезопасным выставлять в смешном виде победоносную буржуазию.

Среди Парижа, волнующегося политическими страстями, произносящего пламенные речи, строящего баррикады и заливающего улицы кровью своих сограждан, романист чувствовал себя очень плохо. Все вокруг думало и говорило только о политике, о социальных вопросах, даже салон г-жи Жирарден утратил свой характер мирного приюта литературных прений после того, как редактор «Presse» был подвергнут аресту по распоряжению генерала Кавёньяка; Бальзак не находил себе места среди всего этого пристрастно настроенного общества и решил принять дружеское приглашение Ганской переждать в деревенской тиши, среди ее семьи, конца политической бури и наступления более мирных дней. Он поручал матери надзор за маленьким отелом на улице Фортюне, а сестре – заведование разными своими делами с издателями и кредиторами и в сентябре 1848 года во второй раз поехал в Россию. Полтора года прожил Бальзак в Киевской губернии, в имении своей невесты, и эти полтора года были едва ли не самыми несчастными из всей скудной радостями жизни романиста. Ганская и ее дочь встретили его как старого друга и старались окружить всевозможным комфортом. «Что касается

общей дружбы и приязни, общего желания уничтожить сорные травы с моего жизненного пути – и мать, и дети безупречны. Но главное дело продолжает оттягиваться и встречать препятствия. Я начинаю сомневаться, угодно ли Богу, чтобы брат твой был счастлив хоть в этом смысле, – писал он г-же Сюрвиль».

Это главное дело было – его женитьба. К тем причинам отсрочки, которые выставляла благоразумная невеста, присоединились официальные препятствия: как богатая помещица Ганская не могла по нашим законам выйти замуж за иностранного подданного и принести ему в приданое имение. Бальзак послал по этому поводу прошение к императору Николаю I, но получил отказ. Чтобы иметь право сделаться его женой, Ганская должна была продать имение или передать его дочери и взамен получать от нее определенную ренту. Несмотря на всю любовь к дочери и к зятю, она не могла решиться на этот шаг. Бальзак не обвинял ее за эти колебания, он находил, что она вполне права, боясь связать свою судьбу с судьбою человека, обремененного долгами, преследуемого кредиторами, не соглашаясь ради брака с ним расстаться с нежно любимой дочерью, еще требовавшей ее попечений, – но он сильно страдал, страдал и сердцем, и вследствие оскорбленного самолюбия. А известия из Франции приходили все самые неутешительные: промышленный кризис продолжался, книги его не распродавались, театры не ставили его пьес, мать и сестра его жаловались на свое собственное стесненное положение вследствие общего застоя в делах; им обоим было не по сердцу увлечение брата гордой иностранкой, и мать довольно ясно давала ему понять свое неудовольствие. В начале 1849 года оказалось вакантным кресло во Французской Академии. Попасть в число «бессмертных» было давнишней мечтой Бальзака: раз, в 1844 году, он уже выставлял свою кандидатуру, но напрасно.

«Я знаю наверно, – писал он по этому поводу своему приятелю Шарлю Нодье, – что мои денежные обстоятельства являются одной из причин, восстанавливающих Академию против меня, и потому я с глубокой горестью прошу вас употребить ваше влияние в пользу кого-нибудь другого. Если я не могу попасть в Академию вследствие моей почтенной бедности, я ни за что не обращусь к ней в то время, когда буду пользоваться милостями фортуны. Я написал в этом же смысле и В. Гюго, принимающему во мне участие».

Несмотря на эту решимость, Бальзак в 1849 году снова два раза выставлял свою кандидатуру. Обе его попытки оказались неудачными: он получил в первый раз всего два голоса, во второй – четыре. Академия избрала графа Сен-Приста и маркиза Ноаля.

«Академия предпочла мне де Ноаля, – пишет Бальзак. – Что же, он, конечно, пишет лучше меня, но я благороднее его: я не выставил свою кандидатуру рядом с Виктором Гюго. К тому же, г-н де Ноаль – человек аккуратный, а у меня есть долги, черт побери!..»

Можно себе представить, какой горечью отозвалась эта неудача в сердце романиста. К его нравственным страданиям вскоре присоединились физические: Бальзак начал чувствовать сердцебиение, стеснение в груди, одышку... Кроме того, суровая русская зима вредно действовала на его здоровье, он беспрестанно простывал, схватывал то бронхит, то лихорадку. После каждой острой болезни хроническая болезнь сердца принимала все более и более угрожающие размеры. Весной 1849 года дело дошло до того, что он принужден был слечь в постель. Всякое движение, всякое громко сказанное слово вызывали у него припадки сердцебиения, он ослабел, страдал сильными головными болями, нервная система его расстроилась. Благодаря искусству двух киевских врачей, лечивших его, и заботливому уходу его хозяйек через несколько недель острая форма болезни была устранена, он оправился настолько, что мог даже предпринимать небольшие прогулки и поездки. Это ободрило его, он считал себя окончательно выздоровевшим и мечтал осенью отправиться в Париж устроить свои дела. Но с наступлением осени и холодов надежды эти рушились. У него сделалась перемежающаяся лихорадка, а вместе с тем снова обострилась болезнь сердца. Пришлось на время отложить всякую мысль о путешествии. Теперь он уже не заговаривал с Ганской о браке.

«Можно ли предложить женщине такую развалину, как я?.. – писал он сестре». – «Три года, – жаловался он в письме к г-же Карро, – строю я гнездо, которое стоило мне целого состояния; увы, а птиц в нем нет! Когда прилетят они? Годы уходят, мы состаримся, все полиняет, даже материя на мебели гнезда».

В конце зимы, почувствовав вновь облегчение, Бальзак объявил, что уезжает в первых числах марта. Мысль, что он должен вернуться в Париж один, что он не введет любимую женщину в тот дом, который украшал для нее, угнетала его. Он чувствовал, что не в состоянии будет еще раз приехать в Россию, что прощается со своей возлюбленной навек. Долго таил он про себя эти тяжелые мысли, пока, наконец, настойчивые вопросы Ганской не заставили его высказаться. Он ничего не просил, он только жаловался на свою несчастную судьбу. Эти жалобы тронули сердце Ганской, и она обещала ему, что он не уедет в Париж один. 14 марта они отпраздновали скромную свадьбу в Бердичеве, а 25 апреля отправились в Париж, оставив имение в собственности молодых Мнишковых. Несмотря на

то, что болезнь не покидала его, Бальзак чувствовал себя вполне счастливым. Он был уверен, что скоро выздоровеет, мечтал, как откроет в Париже полуаристократический, полулитературный салон, в котором будет царить его красавица-жена, как с удвоенной энергией примется за работу.

«Я твердо решил писать для театра, – сообщает он одному из своих приятелей. – Во время болезни я обдумал множество сюжетов; у меня накопилась просто целая театральная Калифорния, за эксплуатацию которой я теперь и примусь». Сестре и г-же Карро он в самых восторженных выражениях сообщает о своем браке: «Двадцать четыре часа тому назад, – пишет он г-же Сюрвиль, – на свет появилась г-жа Ева Бальзак, урожденная графиня Ржевусская, или г-жа Оноре Бальзак, за исключением ее дочери, во всей здешней стране нет женщины, равной ей; это алмаз Польши, жемчужина древнего рода Ржевусских; во всякой стране можно гордиться ею! Я надеюсь, что ты скоро увидишь ее: в конце апреля я тебя познакомлю с твоей золовкой». – «Мы такие старые друзья, – говорит он в письме к г-же Карро, – что вы должны узнать от меня самого счастливую развязку великой и прекрасной драмы сердца, продолжающейся 16 лет. Три дня тому назад я женился на единственной женщине, которую я любил, которую люблю более чем когда-нибудь и которую буду любить до смерти. Этот союз, вероятно, та награда, которую Бог готовил мне за столько неудач, столько лет труда и тяжелых испытаний. Я не знал ни счастливой молодости, ни цветущей весны; мне предстоит самое цветущее лето, самая сладкая осень...»

«Молодые» выехали из имения 25 апреля и только в конце мая добрались до Парижа. Дорога утомляла их обоих, особенно Бальзака; им приходилось останавливаться и отдыхать по несколько дней в разных городах Германии.

Парижские друзья ужаснулись, увидев Бальзака: это была тень прежнего жизнерадостного, крепкого толстяка. Лицо его поражало мертвенной бледностью, он страшно исхудал, как-то осунулся, ослабел и сильно задыхался. Энергичное лечение парижских врачей не приносило ему пользы, припадки сердцебиения и удушья повторялись всё чаще, у него опухли ноги, вскоре ему пришлось окончательно слечь. Близкие видели безнадежность его положения, но сам он не подозревал об опасности: он строил планы путешествий на воды и к морю для окончательного выздоровления и постоянно задумывал новые литературные работы. Жена ухаживала за ним с самой нежной заботливостью, стараясь поддерживать в нем эти иллюзии и бодрость духа. Только накануне смерти, чувствуя себя очень плохо, он стал упрашивать лечившего его врача не скрывать от него

истину и сказать ему откровенно, сколько ему осталось жить.

– Вы понимаете, я не могу умереть, как всякий, – прибавил он, – я должен оставить обществу свое завещание. Слово «завещание» развязало язык врача.

– Сколько же времени вам нужно для приведения в порядок ваших дел? – спросил он.

– Шесть месяцев, – отвечал больной после минутного размышления.

Доктор покачал головой.

– Вы мне не даете шести месяцев? – вскричал Бальзак с горечью. – Ну, хорошо, дайте мне шесть недель! Шесть недель при лихорадке – это целая вечность... Ведь можно работать и по ночам!

Доктор продолжал хранить зловещее молчание.

– Как, значит, я приговорен к смерти! – с ужасом воскликнул Бальзак. – Но, слава Богу, у меня еще есть силы бороться и найдется мужество покориться. Если ваша наука вас не обманывает, не обманывайте и вы меня. На что я могу еще надеяться? Даете ли вы мне шесть дней? Шесть дней! – повторил он, – это немного! Ну, ничего, я намечу в общих чертах, что мне осталось сделать для окончания моих работ, друзья поставят точки над *i*. Я успею быстро просмотреть все свои 50 томов. Я вырву плохие страницы, я придам больше силы хорошим. Человеческая воля творит чудеса! Я могу в шесть дней дать бессмертную жизнь тому миру, который создал. На седьмой день я отдохну!..

По мере того как он говорил, силы его ослабевали, лицо принимало все более мертвенный оттенок.

– Дорогой мой, – произнес доктор, – мы никогда не можем ручаться ни за один час жизни. Многие люди, совершенно здоровые в настоящую минуту, могут умереть раньше вас. Если вы хотите сделать завещание, лучше не откладывать этого на завтра.

Бальзак приподнялся.

– Так мне остается всего шесть часов, – с ужасом проговорил он. Голова его упала на подушку, у него началась агония, а на другой день, 20 августа 1850 года, его не стало.

Его похоронили на кладбище Пер-Лашез, на том самом холмике, который он описал в «Отце Горио». Над могилой его поставлен памятник, на котором он представлен сидящим с открытой книгой в руках. На отвернутой странице этой книги вырезана надпись: «Comédie Humaine».

Источники

1. Balzac, sa vie et ses oeuvres d'après sa correspondance, par m-me L. Surville.
2. Histoire des oeuvres de H. de Balzac, par le v-te de Spoelberch de Lovenjoul (*Charles de Lovenjoul*).
3. Balzac en pantoufles, par *Léon Gozlan*.
4. Balzac et ses amies, par *Gabriel Ferry*.
5. Balzac en Bretagne, cinq lettres inédites, *R. de Pontavice de Heqssey*.
6. Balzac, sa méthode de travail. – Champfleury, documents pour servir à la biographie de Balzac.
7. Essais sur Balzac, par *Paul Fiat*.
8. Histoire de ma vie, *George Sand*.
9. *Ипполит Тэн*. Бальзак, этюд.

---

notes

Примечания

1

ретроспективное проникновение (фр.)

Род взаимного страхования жизни, при котором каждый член кружка вносит известную сумму на определенный срок с тем, что по прошествии этого срока капитал и наросшие проценты делятся поровну между членами, оставшимися в живых

3

Тесное и темное жилье, конура

4

«Наследница Бирага» (фр.)

«Эпизод эпохи террора» (фр.)

6

в истинном, хорошем смысле (*фр.*)

7

долина Транера (фр.)